Имперская Коллекция

Проханов

Александр

Крым

роман

Имперская коллекция

Александр Проханов

Крым

«Центрполиграф»
2014

Проханов А. А.

Крым / А. А. Проханов — «Центрполиграф»,
2014 — (Имперская коллекция)

Герой романа «Крым» Евгений Лемехов – воплощение современного государственника, одержимого идеей служения отечеству. В своем горении он преступает через глубинные духовные заповеди, за что получает страшный удар судьбы, который ранит, казнит, испепеляет всю его жизнь и сбрасывает на самое дно. Но герой не гибнет. Потеряв всё: все свои святыни и ценности, потеряв дар речи, Лемехов оказывается в поле таинственных духовных сил, какие реют в сегодняшней России. И они воскрешают героя, дают новый образ, новые смыслы, направляют в грядущее. Этим грядущим для Лемехова становится фантастическое русское чудо, фантастическое русское богоявление, имя которому – Крым.Роман «Крым» – ответ художника на вызовы грохочущей, стреляющей, оплавленной истории, свершающейся на наших глазах.

© Проханов А. А., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 18
Глава 4 26
Глава 5 33
Глава 6 40
Глава 7 50
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Александр Проханов
Крым

© Проханов А. А., 2014
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

Глава 1

Евгений Константинович Лемехов, вице-премьер, курировал в правительстве оборонно-промышленный комплекс. Статный, с упитанным сильным телом, упрямой большой головой, с блестящими, чуть навыкат глазами, он неутомимо поглощал впечатления, жадно усваивал опыт, который откладывался в нем, как древесные кольца. В свои сорок пять он был преисполнен энергии, которая, как плотный бестелесный порыв, раздвигала перед ним жизненное пространство. Он входил в это пространство, как входят в распахнутые гостеприимно двери. После четвертого класса школьная учительница подарила ему томик Пушкина с надписью: «Женя, будь всегда и во всем первый». С тех пор Пушкин был для него поводырем, тайным покровителем, и множество пушкинских стихов, отрывков, случайных строк хранила его память. Он следовал напутствию учительницы, одолевая возрастные рубежи радостно и легко, оставляя позади своих менее удачливых сверстников. Ему казалось, что перед ним ступает невидимый проводник, переводя его через провалы и рытвины. Он шел, веря своему тайному предводителю, который поворачивал к нему кудрявую пушкинскую голову и вел по таинственным дорогам. Но собственная воля и страсть определяли его успех, его несокрушимое восхождение. Эта страсть была подобна раскаленному языку, прожигающему танковую броню. Подобна воздушному сгустку, летящему впереди истребителя. Подобна бестелесному лучу, указывающему путь ракете. Баловень и счастливец, Лемехов был выбран чьей-то неведомой волей, влекущей его к загадочному предначертанию.

Лемехов был любимцем президента Лабазова. Президент поручил Лемехову кромешную работу по обновлению оборонной промышленности, которая умирала, подобно выброшенному на отмель киту. Когда отхлынули воды советской эры, обнажилось дно, на котором беспомощно, как обитатели подводного царства, корчились заводы, конструкторские бюро и научные центры. Как пар, улетучивались под раскаленными лучами великие открытия и замыслы, неосуществленные проекты, непроверенные гипотезы. И над этой гибнущей, высокоорганизованной жизнью вились тучи мелких стервятников, крылатых насекомых и трупоедов. Жадно поедали беззащитные организмы, поражая воображение фантастическими формами распада. Так из огромного, разбухшего на припеке кита вылезают разноцветные черви, радужные жуки, течет перламутровая слизь. В фиолетовый, еще живой глаз бьет клювом жирная, испачканная пометом чайка.

Президент Лабазов был утомлен долгими годами правления. Он восстанавливал доставшуюся ему в управление руину. Строил государство. Создавал банки, корпорации, нефтепроводы, олимпийские стадионы. Вдруг обнаружил, что на страну надвигаются тучи военных угроз. Эти угрозы множатся, слипаются, превращаясь в опасность большой войны. Война приближалась со всех направлений. Из арктических льдов и среднеазиатских пустынь. От европейских и китайских границ. Из Космоса и Мирового океана. Как в пушкинской сказке о Золотом петушке, оповещавшем царя о все новых вторжениях.

Президент Лабазов обнародовал программу вооружений. Создание новейших танков и самолетов, ракет и космических лазеров, модернизация старых заводов и строительство новых. Он поручил этот грандиозный проект Лемехову, и тот, как лемех, стал вспарывать омертвелую, усыпанную каменьями пустошь.

Совещания, на которых кричали до хрипоты, ссорились представители армии и оборонных заводов. Космодромы, откуда поднимались окруженные плазмой тяжелые ракеты. Полигоны, где установки залпового огня превращали барханы в слитки раскаленного кварца.

Танкодромы, где крутился, взлетал, плыл и нырял под воду танк. Встречи с академиками, предлагавшими оружие на новых физических принципах. Доклады президенту, где нервный и мнительный Лабазов торопил с пуском заводов по производству антиракет.

Лемехов появлялся везде, пронося свое большое, с медвежьей грацией тело сквозь цеха и лаборатории. Садился в салон самолета, где шло совещание, и внизу среди ночной Сибири краснели факелы нефтяных месторождений. И среди этой кромешной работы, иногда, на грани яви и сна, в душе открывалось таинственное пространство, где веяли неясные, пугающие своей странностью переживания. Они говорили о существовании иной жизни, иного предназначения. Того, о котором он, скорее всего, никогда не узнает. Так смотришь в звездное небо, в бездонные колодцы с туманностями, стремишься к ним душой, и начинаешь сходить с ума, и отводишь глаза, чтобы сохраниться.

Теперь Лемехов находился на заводе ракетных двигателей, на московской окраине, когда-то заводской и рабочей. Теперь вокруг завода толпились супермаркеты и развлекательные центры, похожие на фантастические грибы и разноцветные пузыри. Люди наполняли эти храмы торговли, неутолимо и алчно вкушая, приобретая и поглощая. Уже не стремились в Космос. Уже не изумлялись космическому чуду Гагарина. К чуду можно было прикоснуться руками, купить за деньги, положить в нарядный пакет, в душистом салоне иномарки увезти в особняк.

Лемехов на заводе созерцал не мнимую, целлулоидную красоту, а подлинную мощь и величие. В окружении свиты – министерских чиновников, конструкторов, инженеров, среди огромного цеха с лучистыми стальными пролетами, он осматривал двигатель для новой сверхмощной ракеты. Ракета создавалась для «Лунного проекта», который, после долгого перерыва, возобновляла Россия. На подмосковных заводах уже был изготовлен «лунный город», состоящий из жилых, боевых и исследовательских модулей. Уже прошли испытания дальнобойные лазеры, способные поражать атакующие ракеты противника, испепелять морские и наземные цели. Уже были построены телескоп, фиксирующий метеориты, и пусковая установка, отправляющая к опасному болиду ядерный заряд. «Лунный проект» создавался сотнями заводов, конструкторских бюро и научных центров. Все громадное множество предприятий, полигонов и академических институтов взбухало в конвульсиях. Задыхалось, вырывалось из графиков, распадалось. Лемехов, намотав на запястья ременные вожжи, управлял этой бешеной квадригой, сплетал с ремнями свои рвущиеся сухожилия.

– Какая красота, Денис Митрофанович, – обращался Лемехов к директору завода, любуясь двигателем. – Это просто шедевр!

Директор польщенно улыбался. Двигатель возвышался на подиуме, словно это была скульптура. Составленный из множества деталей, в изгибах, цилиндрах, трубках, он, как и все совершенное, достигал удивительной простоты. Так поэтическая мысль сочетает нерасторжимо множество переживаний и чувств.

Тело двигателя, созданное из тугоплавких металлов, напоминало сияющее светило. Трубы, большие и малые, свивались в жгуты. Были похожи на аорты, окружавшие сердце. Хрупкие, сложно изогнутые сосуды, оплетавшие цилиндры и сферы, были подобны лианам, вьющимся по стальному древу. Поворотные сопла были как чаши и кубки для бесцветной кипящей плазмы. В голубоватых отливах, безмолвный и неподвижный, двигатель таил в себе чудовищную силу. Ревущий огонь. Свист газа. Дрожание земли и неба. Когда ракета на слепящих лучах, словно громадная колокольня, покидает старт и уходит в пустоту, развесив над лесами невесомые звоны.

Двигатель, стоящий в цеху, был подготовлен к испытаниям. Другой, подобный, уже погрузили в бетонный бункер. Команда инженеров на испытательном стенде ждала Лемехова, чтобы начать испытание.

– Через полгода мы должны иметь шесть двигателей, Денис Митрофанович. Будем иметь? – обратился Лемехов к директору, который ревниво и трепетно демонстрировал свое детище.

– Будем, Евгений Константинович. – Директор был невысокий, плотный, с упрямым бобриком, с расстегнутым воротом и неловко повязанным галстуком. Он чем-то напоминал дрессировщика, измотанного непокорным зверем. Этот зверь стоял перед ним, послушный, смиренный, но в любую минуту мог взъериться, ринуться с рыком на своего повелителя. – Будет трудно, Евгений Константинович, но двигатели построим.

Они прошлись в белых халатах и бахилах в стерильном цеху. Свита Лемехова состояла из чиновников министерства и космического ведомства, из офицеров космических войск. Ему сопутствовал неизменный заместитель Леонид Яковлевич Двулистиков. Он держал записную книжицу. Делал пометки, преданно заглядывая в глаза начальника. Завод представляли директор, начальник цеха, конструкторы КБ. Рабочие с любопытством поглядывали на высоких руководителей.

Среди заводских представителей Лемехов обратил внимание на худого стройного человека с увядающим красивым лицом. На лице лежала тень утомления, какая бывает у тех, кто одержим тайной снедавшей страстью. Прямой тонкий нос, мягкие, чуть капризные губы, яркие голубые глаза неправдоподобного василькового цвета. Будто на зрачки наложили синие линзы. Лемехов обратил на него мимолетное внимание, как на нечто чужеродное и тревожащее. Но тут же забыл, повернувшись к директору:

– Американцы успешно испытали дальнобойный лазер для размещения на орбите. Этот лазер станет держать под прицелом наши лунные установки. Но мы их разместим под лунной поверхностью, и они будут неуязвимы.

– Чтобы успеть с шестью двигателями, нам нужна помощь, Евгений Константинович. Самарский завод задерживает узлы, а Воронеж поставил бракованные комплектующие. Нам нужна еще одна станочная линия. Мы нашли в Японии подходящие станки, но нам отказали в дополнительном финансировании.

– Это кто отказал? Опять Саватеев? Он что, саботирует? – возмутился Лемехов. – Он что, американский агент? Напомните мне, Леонид Яковлевич, – обратился он к Двулистикову. – Пора ему башку оторвать.

– Оторвите, Евгений Константинович. – Заместитель ударял в книжицу золоченой ручкой, делая пометку, преданно глядя на Лемехова.

А тот опять любовался двигателем. Сияющее диво, детище интеллекта, двигатель являлся продуктом высшего знания. Был прекрасен. Напоминал статую, сотворенную великим скульптором. Его пропорции подчинялись золотому сечению. В его стальных переливах чудилась волшебная женственность. Литые формы, упругие мускулы роднили его с образами античных богов. Тех, что Лемехов видел в музеях Греции и картинных галереях Италии.

Двигатель, стальной и недвижный, был живой и одухотворенный. Лемехов коснулся его, и тот отозвался легчайшей вспышкой света.

– За вашей работой, Денис Митрофанович, лично следит президент. Сейчас, когда мы испытаем двигатель, я доложу ему о результатах. Он просил сделать все, чтобы серия из шести двигателей вышла с завода в срок. Это имеет не только оборонное, но и политическое значение. Когда президент поедет в Лондон на совещание «восьмерки», продвижение «Лунного проекта» будет козырем на переговорах с американцами.

– Передайте президенту, что мы чувствуем его заботу. Заказ государства не будет сорван.

– Спасибо.

Лемехов с благодарностью взглянул на директора. Этот коренастый, небрежно одетый человек был из плеяды новых директоров, сменивших утомленных старцев, тех, по которым пришелся чудовищный удар перемен. Разрушенные заводы, разворованные станки, разбега-

ющиеся, проклинающие начальство рабочие – все это постигло директорский корпус, руководивший индустрией Советов. «Красные директора» ошалело взирали на убийство страны. Но быстро опомнились после ее насильственной смерти. Набросились на бесхозное богатство. Прибирали к рукам, продавали за бесценок, расхищали запасы драгоценных металлов. Кто строил особняки в реликтовых подмосковных лесах. Кто навсегда укатил за границу. Когда мало-помалу стала подниматься промышленность, им на смену, бог весть откуда, появились дееспособные люди. Стали оживлять мертвеца. Так сбегаются к захлебнувшемуся в воде спасатели, делают «искусственное дыхание»: вдувают в слипшиеся легкие воздух, бьют в грудь, сгибают что есть мочи конечности. Пока утопленник не сделает булькающий вздох и его не начнет рвать мутной жижей.

Таким был этот директор, создающий уникальный двигатель. Лемехов и сам был из тех, кто за волосы тянул из омута утонувшую индустрию, ставил на ноги рухнувшую страну.

– Наш президент дал нам задание. Не только нам, оборонщикам, но и всему народу. В кратчайший срок преодолеть двадцатилетнее отставание. Перепрыгнуть яму, которую вырыли нам либералы. Успеть до начала крупного военного конфликта восстановить оборону, оснастить армию сверхсовременным оружием. Если нет, то нас сомнут, как сказал Сталин. Он-то знал, что до начала войны остаются считаные годы. Тогда Советский Союз дни и ночи строил танки, отливал орудия, запускал самолеты. Это был гигантский рывок, ведущий к Победе. Сейчас мы должны повторить этот тигриный бросок. Не догонять Запад, а, как тигр, срезать угол. Выйти наперерез и оказаться впереди.

Лемехов сделал резкий взмах рукой, и ему показалось, что двигатель, как стальной тигр, готов к броску.

– Президент делает все для восстановления оборонного комплекса. Лучшие станки – пожалуйста. Финансирование научных разработок – пожалуйста! Зарплаты рабочим – пожалуйста! Мы должны оправдать доверие президента. Опасность велика. Враг силен. Его военная техника превосходна. Она грозит нам уничтожением. Сейчас, здесь, в этом цеху, решается исход будущей войны. Этот двигатель – двигатель Победы!

Лемехов желал вознаградить создателей двигателя. Вознести на вершину государственных почестей. Причислить к самым лучшим и героическим людям, драгоценным для государства.

Ему внимали. Директор потупил глаза, наморщил лоб и молча, желая скрыть благодарность, слушал высокого руководителя. Заместитель Двулистиков бил ручкой в блокнот, словно конспектировал бесценные слова. Рабочие в белых халатах приблизились, сняли пластмассовые каски, которые мешали слушать. Человек с васильковыми глазами сжал губы, словно стискивал трубочку, сквозь которую пил коктейль.

Двигатель, сияющий и безмолвный, отражал яркие лампы, и казалось, он весь покрыт множеством глаз, которые не мигая смотрят на Лемехова. Так идол в своем величии воспринимает жреческие восхваления.

– Кончилось время, когда музыку в стране заказывали банковские менялы и адвокатишки, едкие журналистишки и телевизионные куртизанки. Теперь марши играем мы, технократы. У нас миллиарды рублей, интеллект, понимание мировых проблем, судьбы Отечества. Нам президент доверил самое драгоценное – государство, народную судьбу, суть русской цивилизации. Мы – его гвардия, его боевой авангард. Для нас – это высокая честь. Мы служим ему не за страх, а за совесть. Мы посвящаем стране свои таланты, свою творческую волю. Вверяем президенту нашу судьбу, как он вверил нам судьбу России. Мы видели, как его предали те, кто называет себя «креативным классом». Все эти конторские служащие и мальчики из пиар-агентств. Длинноногие секретарши и горбатые правозащитники. Все эти телевизионные стилисты из гей-клубов. Они собрались на своем бесовском болоте и проклинали президента, угрожали ему смертью. Мы – гвардия президента Лабазова, его «креативный класс». Мы изоб-

ретаем и строим невиданные машины. Мы создаем новые технологии. Мы сооружаем грандиозную машину нового Российского государства. Будем достойны своей исторической миссии. Здесь, на вашем великолепном заводе, запуская этот чудесный двигатель, мы утверждаем нашу историческую волю, нашу гвардейскую непобедимость.

Лемехова вдохновлял этот драгоценный двигатель. Вдохновляли сосредоточенные рабочие и инженеры – творцы этого дивного изделия. Двигатель возвышался над ними, властвовал, царил. Он был творением рук человеческих, но люди, его окружавшие, был созданы им, вскормлены, собраны воедино. Подчинялись его молчаливой воле. Двигатель, подобно божеству, был смыслом их существования, управлял их судьбой. Лемехову казалось, что он угадывает волю божества, воплощает эту волю в слова.

– У стратегического рывка, который мы предприняли, есть противники. У русского оружия, которое мы хотим вложить в руки народа, есть яростные враги. Это либеральные агенты Запада. Они в ужасе от мысли, что Россия опять становится сильной, выходит из-под контроля Америки. Они уверяют народ, что России никто не угрожает. И это в то самое время, когда Америка планирует против нас превентивный удар сверхточным оружием. Мы станем громить их.

Его слушали с одобрением. Лицо директора стало суровым. Рабочие кивали.

– Но главный наш враг – это апатия, поселившееся в народе уныние. Это глубокая печаль, которую переживает русский народ. Удар, который ему нанесли, оглушил, и по сей день народ словно в обмороке. Его руки отвыкли работать. Его слух не воспринимает проповеди. Его душа омертвела. Он равнодушен к оскорблениям, которыми его осыпают. Как разбудить народ? Как вернуть ему веру? Как вдохновить его на великие труды и свершения?

Лемехов оглядывался, словно ожидал услышать ответное слово, которым можно разбудить опоенный зельями народ.

Все молчали. В этой тишине прозвучал тихий, спокойный голос:

– Русский народ как спящая царевна. Ее нужно поцеловать, и она проснется. Русский народ нужно поцеловать.

Это произнес худой человек с бледным красивым лицом, на котором сияли глаза, яркие как васильки. Этот цвет полевого цветка на усталом мужском лице казался неестественным. Тревожил и пугал Лемехова.

– Народу надо читать Пушкина, и он проснется.

– В самом деле? – Лемехов усмехнулся. – А Маяковского не надо читать?

– Это философ Игорь Петрович Верхоустин. – Директор почувствовал раздражение Лемехова.

– Вы что тут, ищете философский камень? – насмешливо спросил Лемехов.

– Вместе с Игорем Петровичем мы разработали программу привлечения на завод молодых специалистов. Мы вывезли на городскую площадь двигатель, не этот, конечно, а тот, с которого снят гриф секретности. Установили его на постамент и устроили чтение пушкинских стихов. Сначала стихи читали театральные актеры. Потом несколько наших ветеранов. Потом дети, которые пришли на площадь. Потом какая-то молодая женщина. Еще и еще. И получился настоящий праздник поэзии. Люди не хотели уходить, украсили двигатель цветами и лентами. И что удивительно, на завод пришли устраиваться сразу пятеро молодых рабочих и два инженера. Мы этот двигатель теперь называем «Пушкин».

Директор радовался, улыбался. Философ Верхоустин спокойно и доброжелательно смотрел на Лемехова. А тот вдруг вспомнил книжечку Пушкина, подаренную школьной учительницей, дарственную надпись, сделанную каллиграфическим почерком. Испытал к философу двойственное чувство. Отчуждения и неясной опасности. И любопытство, желание выслушать его размышления. Но в цеху появился главный инженер и сообщил:

– К испытаниям все готово. Вас ждут, Евгений Константинович.

Они покинули цех и переместились в испытательный центр, где в бункере находился двигатель.

Испытательный центр – саркофаг из бетона и стали, способный удержать в своей оболочке огненный взрыв. В озаренном зале, перед мониторами, в белых халатах – испытатели. Следят за разноцветными всплесками, электронными синусоидами. Двигатель, помещенный в бункер, закупорен в бетонный кокон. Его изображение туманится на экране. Голубовато-белый, перевитый сосудами, с волнистой пуповиной, напоминает эмбрион, притихший в утробе. Окружен сиянием, в чуть заметном трепете, в легчайших дрожаниях.

Лемехова усадили перед экраном, и он смотрел, как тихо дышит нерожденный младенец. Испытание должно было подтвердить возможность двигателя выводить в космос тяжелые ракеты. Способность титановых и стальных сочленений выдержать чудовищное давление и адское пламя. Готовность развивать тягу, достаточную для стратегического превосходства. «Лунный проект», дальнобойные лазеры, громадные телескопы, углубленные в лунный грунт лаборатории – все зависело от испытания двигателя. Новый пояс космической обороны, неуязвимый для ракет и лазерных пушек врага, разрушал агрессивные планы противника, сберегал для России еще одно десятилетие мира.

Маткой, в которой созревал сияющий эмбрион, был не бетонный бункер, не завод, не город, а громадный клокочущий мир, перепаханный войнами и «цветными революциями». Его рождения ожидали американские авианосцы в Тирренском море, арабские толпы, заливающие кровью площадь Тахрир, китайские дивизии, проводящие маневры у берегов Амура. Его ожидали вражеские разведки, следящие с орбит за русскими космодромами, внедряющие агентов в российские КБ и заводы. Его ждали генералы Генштаба, строители «лунных городов» и расчеты лазерных орудий. Его ждал президент Лабазов, включенный в мучительное, с неясным исходом состязание, поражение в котором означало его личную смерть и смерть государства. Его рождения ждал Лемехов. Своей жаркой животворной энергией он взращивал этот стальной эмбрион.

– Евгений Константинович, прикажете начинать? – наклонился к нему директор. Бледный от волнения, он был акушер, ожидавший трудные роды.

Лемехов кивнул. В динамике металлический голос начал обратный отсчет:

– Десять, девять, восемь…

Чуть слышный толчок ударил в стены и пол. Изображение на экране дрогнуло. Белые сгустки вздулись в титановых соплах. Превратились в яростные языки, в отточенные жаркие клинья. На мониторах заиграли разноцветные нити. Стены и пол дрожали. Бушевало белое пламя. Бункер накалялся, как тигель. Двигатель был похож на небесное тело, окруженное белым огнем. Сотни датчиков, помещенные в слепящий факел, отображали на мониторах состояние патрубков, давление в трубопроводах, температуру металлических стенок. Двигатель рвался из бункера, но его удерживали бетонные блоки, сжимали стальные обручи. Вода гасила пламя и охлаждала бетон. Насосы нагнетали горючее. На мониторах плясали импульсы, свивались в жгуты разноцветные линии. Шли роды.

Лемехов жадно следил. Рождался не просто двигатель. Рождалась новая космическая эра России. Остановленная злой волей, опрокинутая в хаос, Россия вновь подтверждала свое космическое бытие. Рвалась в беспредельность, в которой народ угадывал свое ослепительное будущее, свою несказанную мечту.

Автоматика выводила двигатель на предельный режим. Бункер казался мартеном, в котором кипела сталь. В белой плазме возникали радужные кольца. Словно расцветал волшебный цветок. Лепестки опадали, вновь кипел огонь, и двигатель казался метеоритом, заключенным в пылающую сферу.

Лемехов всей своей напряженной волей, страстным сердцем чувствовал работу двигателя. Это он, Лемехов, находился в бетонном бункере. В буре огня и света старался сдвинуть

тяжкие блоки, одолеть гравитацию, прянуть грохочущей молнией и умчаться в лучистую даль. Туда, где ожидало его небесное будущее, таинственная, уготованная Богом судьба. Он беззвучно молился, вымаливал эту судьбу, вымаливал Победу.

– Есть! Параметры в норме! Тяга в норме! – воскликнул директор.

И все повскакали с мест, обнимались, целовали друг друга. Пламя в бункере меркло. Краснел раскаленный бетон. Двигатель остывал, серебряный, нежный, словно младенец в купели.

Лемехов пожимал испытателям руки. Поздравлял директора, инженеров, конструкторов. Глаза у директора были в слезах.

Глава 2

Машина Лемехова в сопровождении джипа охраны покинула завод, погрузилась в гул переполненной трассы. Громадные супермаркеты светились в осеннем дожде, как ядовитые грибы. Автомобили Двулистикова и других министерских чиновников исчезли в круговоротах и пробках. Лемехов приказал шоферу свернуть с переполненного шоссе и ехать в глубь жилых кварталов. Здесь, на краю парка с последней желтой листвой, стояла церковь, ажурная и высокая, какие строились в старинных дворянских усадьбах. От усадьбы сохранился парк с художочной аллеей и храм с кирпичной оградой. У ворот, под дождем сидели нищие, накрывшись клеенками. В церкви находилась икона «Державная Божья Матерь», сложенная из драгоценной мозаики. Лемехов однажды заглянул в этот храм, восхитился иконой, пережил подле нее благодатное чувство. Теперь ему вновь захотелось увидеть икону.

Охранник распахнул над Лемеховым зонтик. Провел сквозь ворота. Лемехов заметил, как выглянуло из-под клеенки лицо в неопрятной щетине, слюнявые губы в беззубой улыбке, глаз с лопнувшим кровавым сосудом. Лемехов сунул под клеенку купюру, и сухая, с грязными ногтями рука цепко схватила бумажку.

Церковь была пустынной и сумрачной. Несколько прихожан стояли в сумраке, безмолвно молились. Тускло золотился иконостас. Огоньки свечей редко отражались в подсвечниках. Лемехов перекрестился, ступил в храм. Из темной стены, из мрака брызнули на него бриллиантовые лучи, драгоценно сверкнула икона. Богородица в алом облачении, среди золота и лазури, царственно восседала на троне. Младенец словно парил перед ней. Икона переливалась и трепетала. В ней блуждали разноцветные волны света. Казалось, она была обрызгана волшебной росой.

Лемехов потянулся к иконе. Бесшумно подошел охранник, протянул свечу. Лемехов выбрал на подсвечнике догоравший огарок, зажег от него свечу и вставил черенок в тесное гнездо. Нежное пламя отразилось в иконе, и казалось, Богородица приняла в свою руку зажженную свечку.

Лемехов приблизился к иконе, поцеловал, прижался лбом. Почувствовал, как икона благоухает. Такое душистое тепло исходит из палисадника, где цветет сирень. Казалось, за иконой существует таинственное пространство, полное цветов. Если совершать молитвенное усилие, можно войти и оказаться в райском саду.

«Державная» была хранительницей государства, попечительницей русских государственников, к которым причислял себя Лемехов. Целуя бриллиантовые лучи, он помолился о судьбе страны, как это делают во время богослужений. Помолился об инженерах и конструкторах и оборонной мощи, которую они возводили. Об успешных испытаниях двигателей, о которых надлежало доложить президенту. О «Лунном проекте», непомерном в своей сложности и величии. О стратегической подводной лодке, которая скоро сойдет на воду в Северодвинске. О «подводном старте», откуда прянет ввысь новая баллистическая ракета, способная прорывать американскую оборону.

Постепенно моления его отвлеклись от этих грозных и тревожных забот. Бриллиантовые лучи напомнили бриллиантик в мамином золотом кольце, и он в детстве брал в свои маленькие руки ее большую теплую руку и рассматривал кольцо. Теперь ее рука, ее милое дорогое лицо, ее каштановые волосы были покрыты землей, из которой вырастал тихий могильный цветок. Чувствуя нежную печаль, Лемехов думал о маме, молился о ней. Хотел, чтобы она его услыхала в тех небесных аллеях, по которым сейчас гуляла.

Он подумал об отце – о его пиджаке с орденом, о шелковом галстуке, о вкусном запахе одеколона. Специалист по Африке, отец пропал без вести то ли в ангольских саваннах, то ли

в Мозамбике, на берегах Лимпопо. Теперь его безвестная могила среди африканских холмов томила Лемехова своей недоступностью, мучительной сыновьей нежностью.

Свеча отражалась в иконе, словно Богородица держала ее в перстах. Отражение свечи напоминало золотую дорожку на озерной ночной воде. С женой в Карелии, в свой медовый месяц, смотрели в оконце. Прекрасная луна, – «царица ночи», – говорила жена, – пылала над туманными лесами. Рыбачий челнок черной стрелкой пересек лунную дорожку. Теперь жена, после нервного потрясения, несколько лет находилась в психиатрической клинике. Навещая жену, он видел седую голову, пустые глаза, голые ноги в синих венозных узорах. Лемехов молился о жене, каялся перед ней, посылал ей в больницу отраженную в иконе свечу.

Его блуждающие мысли, исполненные любви и печали, вдруг собрались в страстный молитвенный порыв. В этом порыве не было просьбы, жалобы или мольбы о собственном благе. Была благодарность и любовь к Богу, ведающему о нем, знающему каждую его мысль, сотворившему его для какой-то, Ему Одному ведомой цели. Эта молитва была как стремительный взлет. Душа взмыла в беспредельную высь, коснулась пылающей белизны, слилась с ней, а потом вернулась на землю, принеся ликующее счастье.

Лемехов отступал от иконы, но она не отпускала его из своих бриллиантовых объятий.

Он уже направлялся к выходу, когда из полумрака вышел навстречу ему человек:

– Простите, Евгений Константинович.

Лемехов удивленно остановился. Лицо человека было плохо различимо в сумраке. Но ярко цвели синие, цвета полевых васильков, глаза. Это был философ, кажется Верхоустин, с которым Лемехов мельком познакомился на заводе и тут же забыл о нем.

– Я видел, как вы молились. Мне пришла мысль, что каждая молитва – это выход в открытый Космос. Душа молящегося несется к Богу. Если она достигает Его, то возвращается обратно преображенной, неся несметные богатства. Одаривает этими богатствами землю. Если же не достигает Бога, если молитва слаба и неискренна, душа, подобно взорванной ракете, падает на голову молящегося обломками.

Появление Верхоустина в храме было неприятно Лемехову. Оказывается, когда он молился, за ним наблюдали. Быть может, стремились угадать, о чем он молился.

– Иногда ракета не достигает цели, потому что ее сбивает чужая ракета. – Лемехов шагнул, желая избавиться от незваного соглядатая.

– Моя ракета, Евгений Константинович, не чужая. Я только что молился у той же иконы. Две наших души летели к Господу рядом.

Глаза Верхоустина искренне и чисто сияли. Лемехов раскаялся в своей неприязни. Стоящий перед ним человек только что вместе с ним совершил чудесное вознесение. Их соединяло волшебное странствие, роднила бриллиантовая икона.

– Вы на машине? – спросил Лемехов, выходя на церковное крыльцо.

– Нет, – ответил Верхоустин.

– Могу подвезти до центра.

– Буду признателен.

Дождь кончился. На церковном дворе ветер рябил лужи. Нищие прятались под своими клеенками и пленочными плащами. Из-под синей накидки вдруг выскочил нищий в красной засаленной куртке, в башмаках, из которых торчали тощие грязные ноги. В клочковатой бороде открывался слюнявый рот. Один глаз был залит белой мутью, другой дико светился рубином. Он кинулся наперерез Лемехову, вцепился в его пальто:

– Ты, Женька, который женится! Ты на России женишься, она от тебя родит! Ты Россию в постель уложи и помни хорошенько! Она поорет, дура, а потом полюбит! У тебя в одной руке крест, в другой сабля! О тебе в Боголюбском монастыре молятся! Тебя батюшка Серафим предсказывал! Ты царем станешь, меня не забудь! Я Колька Кривой, псами травленный! Меня мамка на помойку снесла! Россию, Женька, на помойку снесли! А ты ее подбери, отмой, губки

ей покрась, бусы купи. Красивей ее не найти! Ты Кольку Кривого в Кремль с собой забери! Перед тобой все преклонятся. Ты первый человек на Руси!

Он упал, пополз, целуя перед Лемеховым землю. Охранники оттаскивали его, а он хохотал слюнявым ртом, выкрикивая:

– Ты, Женька, будешь царем на Руси!

Они сели в машину. «Мерседес» рванул, расплескивая фиолетовые вспышки. Джип охраны мчался следом, и, когда встречался затор, начинала истошно крякать сирена, словно металлическая утка.

– Есть Россия заводов и университетов, – произнес Верхоустин. – А есть Россия монастырских подворий. Есть футурологи, предсказывающие завтрашний день. А есть юродивые, которые видят на сто лет вперед.

Лемехов не ответил. Ему было неприятно, что этот малознакомый человек стал свидетелем нелепой сцены.

– К русским кликушам надо прислушиваться, – сказал Верхоустин, не замечая раздражения Лемехова.

– Чушь какая-то. Похоже на оперу «Борис Годунов», – нелюбезно ответил Лемехов. – Может, начитался Пушкина? Это вы говорили, что спящему народу нужно читать Пушкина, и он проснется. Может, он, как представитель народа, спал, спал и проснулся? Простите, напомните, как вас зовут?

– Игорь Петрович.

– Нет, Игорь Петрович, не Пушкина надо читать народу, чтобы он проснулся. Не «буря мглою небо кроет». И не «как ныне сбирается вещий Олег». Народу надо дать большую работу. Пусть пашет землю и возводит заводы. Пусть строит города на Луне. Пусть готовится к полету на Марс. И ему будет не до сна.

Лемехов чувствовал свое превосходство над странным человеком, именующим себя философом. Этот чудак случайно появился на его пути, чтобы через полчаса покинуть салон машины и навсегда исчезнуть в бегущей московской толпе.

– Немецкий народ после Версальского мира был народ-подранок, – произнес Верхоустин, как терпеливый и настойчивый педагог. – Народ был унижен, разгромлен, раздавлен страшным поражением. Его точили разные жучки-короеды, глумились жестокие победители. Внушали немцам, что они – тупиковый народ. Отсекали от таинственных высот, где витал туманный германский гений. Отрывали от глубин, где коренилось великое немецкое мессианство. И казалось, этот народ больше не способен воевать, не способен творить, не способен строить. Уснул дурным сном.

Голубые глаза Верхоустина переливались хрустальным светом, как венецианское стекло. Лемехов завороженно смотрел на эту синеву, которая вызывала в нем сладкое воспоминание, – в детстве он идет по меже вдоль белесого ржаного поля, и в колосьях, на жаркой земле, расцвел лазурный василек.

– Гитлер разбудил немецкий народ. Он основал тайную лабораторию «Аненербе». Немецкие лингвисты и культурологи, археологи и маги, поэты и историки, астрологи и обладатели тайных знаний стали коллекционировать волшебные приемы, которые воздействовали на народ. Немцы вновь подключались к первоистокам. К бездонным копилкам энергии, питавшим великих полководцев, художников, духовидцев. Была вновь прочитана Старшая Эдда. Вновь прослушаны Вагнер и Бах. Вновь осмыслены Дюрер и Грюневальд. Экспедиции «Аненербе» отправлялись на Гималаи и в Тибет, тайно проникали на Волгу и Южный Урал, где, укрытые прахом, таились древние города Аркаима – родины праарийских народов. Эти волшебные эликсиры были впрыснуты в школу, в политические институты, в военную и экономическую теории. Немецкий народ проснулся. Восстал из духовной смерти и приступил к великому созиданию. В считаные годы Германия совершила взлет. Были сделаны грандиозные открытия

в науке и технике. Построены ракеты, реактивные самолеты, беспилотники, телеметрические системы, ядерные реакторы. Немецкие психологи проникли в тайну мозга, пробуждая к творчеству его запечатанные участки. Ясновидение, телекинез, телепортация рождали новый тип цивилизации. Открытия генетики и евгеники вели к сотворению идеальной человеческой расы. К великому горю, эти судьбоносные открытия немцев Гитлер направил на покорение других народов. Он не захотел штурмовать небо, не стал покорять Космос, разгадывая тайны «темной материи». Он стал штурмовать столицы мировых государств – Варшаву, Париж, Москву. Израсходовал волшебные силы проснувшегося народа в этих кровавых бессмысленных штурмах.

Лемехов слушал. В салоне «мерседеса» царил бархатный сумрак. Сладко пахли лакированное дерево, замшевая кожа. Неслись за тонированными стеклами сверкающие фасады, тунели с гирляндами фонарей. Лемехов слушал спокойный, как у лектора, голос Верхоустина, испытывая странное оцепенение, которое мешало улавливать смысл произносимых речей. Глаза Верхоустина обладали завораживающей силой. Их голубые лучи переливались. Лоб Лемехова чувствовал их невесомое прикосновение, и возникали галлюцинации. Теплая рожь с васильками. Веночек из васильков, который деревенская девочка надевала ему на голову. Чудный синий букет, который мама ставила в хрустальную вазочку.

Эти мимолетные видения были драгоценны. Они продолжались, пока говорил Верхоустин. Лемехову хотелось, чтобы тот продолжал говорить.

– Другое дело – Сталин. Ему достался народ, окровавленный в войне и революции. В братоубийственной бойне народ утратил свое единство, потерял Бога, отпал от сокровенных основ, которые сделали его народом. Народ подвергся страшному насилию, когда из него удаляли глубинные коды, как это делают угонщики автомобиля, зубилом скалывая номер двигателя. Другая культура, другая музыка, другая живопись – все это отрезало народ от донных ключей, которые питают святой водой народный дух. Сталин начинал индустриализацию и готовился к войне. Он понимал, что с таким народом не построишь заводы-гиганты, не создашь боеспособные самолеты и танки. Не построишь победоносную армию. Для этого нужен другой народ. Народ, разбуженный для великой Победы. И Сталин вернул в культуру Пушкина, которого «сбросили с корабля современности». Он сделал Пушкина главным советским поэтом. Рабочие строили танковые заводы и слушали по радио стихи Пушкина. Инженеры испытывали новые истребители и штурмовики и слушали романсы Глинки на стихи Пушкина. Генералы и маршалы проводили учения, а потом шли в Большой театр, в золоченые ложи, и слушали оперу Чайковского «Евгений Онегин» и оперу Мусоргского «Борис Годунов». Народ, который встретил войну, был народ, осененный Пушкиным. Пушкин сражался под Москвой вместе с панфиловцами. Пушкин под Сталинградом защищал Мамаев курган. Пушкин на Курской дуге шел на таран «тигров», сидя за штурвалом Т-34. Пушкин вместе с Егоровым и Кантария водрузил над Рейхстагом знамя Победы. Пушкин стоял на Мавзолее рядом со Сталиным во время победного парада, когда падали на брусчатку гитлеровские знамена. Пушкин одолел «Аненербе». Пушкин вернул народу его сокровенные коды. Советский народ, одержавший Победу и полетевший в Космос, – это народ Пушкина. Вот что я имел в виду, Евгений Константинович, когда на заводе сказал несколько слов о Пушкине.

Верхоустин умолк, опустил глаза. Их колдовское воздействие прекратилось. Лемехову было не по себе. Он снова испытал отчуждение к человеку, которого пригласил в машину к неудовольствию охранника, который сидел рядом с водителем и тревожно наблюдал в зеркало заднего вида.

– Вы предлагаете мне на заводе антиракет читать «Сказку о попе и о работнике его Балде»? – вяло пошутил Лемехов.

– Рано или поздно придется произнести сокровенное слово, которое разбудит народ. Такое слово слетает к поэту с небес. Такое слово должно явиться народному лидеру, который берет на себя ответственность за судьбу государства.

– Но я, слава богу, не являюсь народным лидером.

– Никто не знает, что нас ждет впереди.

Они подъезжали к Дому правительства, где Лемехова ожидала встреча с Военно-промышленной комиссией. Пора было прощаться. Но что-то важное, недосказанное померещилось Лемехову в последних словах Верхоустина. Удивляясь своей странной прихоти, Лемехов произнес:

– Через несколько дней я улетаю в Северодвинск. Там спускают на воду стратегическую лодку. Хотите полететь со мной? Прочитаете пушкинский стих, посвященный встрече с подводной лодкой: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты».

– Прочитаю, – спокойно улыбнулся Верхоустин. Вышел из машины, исчезая в дожде.

Глава 3

Лемехов был приглашен в Кремль, на прием к президенту. Машина вырвалась из туманных, в тусклых блесках городских улиц. Свернула с Каменного моста к Троицкой башне. Мимо постового, отдавшего честь, скользнула в ворота и оказалась среди синих елей, золотых куполов и белых соборов. Шел дождь. Брусчатка Ивановской площади блестела, словно площадь помазали черной икрой. Дворцы с отложными воротниками наличников мутно желтели. Купола Успенского собора были похожи на мокрые золотые облака.

Каждый раз, с самого детства, Кремль вызывал у Лемехова робость и благоговение. Словно здесь скопились загадочные сказочные силы, волновавшие и возвышавшие душу. И теперь, выходя из машины, он чувствовал эту незримую силу, которая сладко влекла и одновременно пугала. Кремлевские соборы и башни присутствовали в его глубинной памяти, словно достались ему от рождения. Были переданы по наследству.

Аудиенция предполагалась в библиотеке. При входе Лемехова встретил генерал ФСО Дробинник, из числа особо приближенных, кому президент Лабазов доверял самые деликатные поручения. Генерал был сух, с бледным узким лицом, которое пересекал шрам, словно полоснули клинком. Глаза генерала были светлые и прозрачные, с темными точками жестокости, какие бывают у снайперов. Дробинник вошел в доверие к президенту, когда в период 2-й Чеченской предотвратил покушение на Лабазова. Сам участвовал в ликвидации заговорщиков и был ранен.

Он относился к Лемехову с внешней симпатией, за которой скрывалось холодное недоверие. Он и с другими соблюдал дистанцию, позволявшую молниеносно применять холодное и огнестрельное оружие.

Они пожали друг другу руки, и Дробинник проводил Лемехова в библиотеку.

– Какое настроение у президента, Петр Тихонович? – Лемехов оглядывал овальную комнату, уставленную шкафами, где за стеклами блестели золотом кожаные переплеты подарочных изданий. На шкафах стояли фарфоровые и стеклянные вазы. Еще одна дверь с темным непрозрачным стеклом вела в соседнюю комнату. – В каком расположении духа пребывает Юрий Ильич?

Вопрос был не простой данью вежливости. Ходили слухи, что президент нездоров. Он долго не появлялся на людях. Множились разнотолки о его серьезном недуге. О преемнике, которого пора показать общественности.

– Президент бодр. Мы сегодня долго тренировались в спортивном зале. И даже схватились в борьбе. Его броску позавидовал бы олимпийский чемпион.

– Его броски и подсечки хорошо известны мировым политикам. Особенно в Госдепе.

Лемехов и Дробинник послали друг другу два зашифрованных сообщения. Запрос Лемехова о здоровье президента Лабазова. И ответ Дробинника, в котором тот просил не беспокоиться по этому поводу.

– А вы, Евгений Константинович, ездили на охоту? – спросил Дробинник, зная об охотничьей страсти Лемехова. Он и сам был ружейный охотник.

– Да нет, не пришлось. Все дела, дела. Вот сейчас лечу на север. Там обещали медведя. А вы поохотились?

– Вы же знаете, Юрий Ильич не любит охоту. Не то что первый президент. Юрий Ильич любит рыбалку. А какой я рыбак? Так, из вежливости спиннинг бросаю.

– Благодарите Бога, что Юрий Ильич не коллекционирует бабочек. А то бы вам пришлось завести сачок.

Они посмотрели один на другого и рассмеялись. Прозрачные глаза генерала дрожали от смеха, но черные точки оставались неподвижными.

Генерал чутко замер, как обладающий повышенным слухом зверь, словно уловил скрытый шорох. Поспешно вышел. И через минуту в библиотеке появился президент Юрий Ильич Лабазов.

Он двигался своей строевой офицерской походкой, выражавшей целеустремленность и неколебимую волю. Эту походку он демонстрировал в публичных местах, будь то Кремлевский дворец или дипломатический раут. Это был своеобразный балет, за которым следили обожающие дамы, мнительные чиновники и проницательные журналисты.

Однако теперь эта бодрость и легкость шага давались президенту с трудом. Лемехов видел, как при каждом шаге Лабазов чуть стискивает веки, словно преодолевает боль. Его лицо было бледным, виски ввалились, и на них проступили болезненные синие жилки. Он протянул Лемехову узкую ладонь и тут же ее отдернул, словно боялся, что Лемехов, касаясь руки, как хиромант, догадается о его нездоровье.

– Как прошли испытания двигателя? – раздраженно, словно ожидая дурную весть, спросил Лабазов.

– Отлично, Юрий Ильич. По всем параметрам превзошел американцев. Теперь у России есть лучшая в мире тяжелая ракета. Считайте, что мы на Луне.

– Рад. – Глаза Лабазова торжествующе блеснули. – Передайте коллективу мои поздравления. Скажите, будут ордена, будут премии.

На скулах Лабазова выступили маленькие розовые пятна, как райские яблочки.

– «Лунный проект» переводит Россию на новый цивилизационный уровень. «Лунный проект» – это обещание, которое я дал народу, и сдержу его. Противники меня упрекают, что будто бы я остановил русское развитие, оставил Россию на обочине мирового процесса. Это злые языки. Теперь все увидят, что Россия остается лидером мирового развития. Луна, если угодно, становится окраиной Москвы, и я назначу префекта Луны. Хотите, Евгений Константинович, стать префектом Луны? – Лабазов добродушно и совсем по-детски рассмеялся. Добрая весть вернула ему веселость, помогла забыть о недуге.

– Мне нужно будет заняться озеленением Луны? Благоустройством лунных дворов и детских площадок? Эти вечные хлопоты о лунных дорогах, о лунных детских садах, о лунных школах. Боюсь, Юрий Ильич, что я с этим не справлюсь.

– Вы справитесь. Вы справляетесь с делом, которое другие давно бы уже завалили. Но вы правы, вы нужны здесь, на Земле. Как мало полноценных людей! Как мало тех, на кого я могу опереться!

– Мы, в оборонном комплексе, работаем на Россию, работаем на своего президента, – скромно ответил Лемехов.

– На минувшей неделе к нам прилетал Госсекретарь, замшевый, мягкий, как ножны, в которых спрятан отравленный клинок. Мы говорили о Сирии, о наших поставках в район боев зенитно-ракетных комплексов. Он сказал, что они, американцы, обладают сверхточным оружием, способным преодолевать любую противовоздушную оборону. Он сказал, что американцы создали компьютерную модель, которая показывает, как, в случае войны с Россией, американские гиперзвуковые ракеты при первом же ударе уничтожат девяносто пять процентов наших баллистических ракет. А остаток во время ответного удара будет перехвачен системой американской ПРО. Этот наглец, как ковбой, приставил мне к виску пистолет и потребовал, чтобы я сдал ему Сирию. Я рассказал ему о русских дальнобойных лазерах на Луне, способных сжечь один за другим все американские штаты, и пистолет в его руке задрожал.

– Сейчас, Юрий Ильич, мы спустим на воду еще одну лодку и проведем испытания «подводного старта». Тогда в Вашингтоне сменят тон.

– Поезжайте на спуск лодки и на ракетные стрельбы. Мне нужны хорошие новости. Вы, Евгений Константинович, всегда приносите хорошие новости.

Бесшумно, как кошка, возник Дробинник:

– Юрий Ильич, художник Распевцев, как вы просили, принес картину. Прикажете ему подождать?

– Пусть несет картину. Вы, Евгений Константинович, подождите рядом. Художник не займет много времени.

Дробинник проводил Лемехова сквозь темную стеклянную дверь, и Лемехов оказался в кабинете с письменным столом и камином. И стол, и камин были отделаны малахитом и золотом. На камине под стеклянным колпаком трепетали стрелками и колесиками золоченые часы. На диване лежали удобные, шитые серебром подушки.

Лемехов, обойдя кабинет, обнаружил, что застекленная дверь, темная с одной стороны, была прозрачной с другой. Все, что происходило в библиотеке, было доступно наблюдателю, находящемуся в кабинете.

Лемехов видел, как в библиотеку вошел художник Распевцев, знаменитость, писавшая портреты самых знатных и влиятельных персон государства. Баловень всех прежних правителей, считавших за честь позировать этому несравненному мастеру.

Распевцев был стар, мастит, благороден, с породистым, оплывшим лицом. Гордый нос, прямая осанка, чопорно сжатые губы делали его похожим на камергера, утомленного придворным служением. На нем была бархатная темная блуза, рубаха с белым отложным воротником. На пальце сверкал темный перстень. Вслед за ним в библиотеку двое служителей внесли картину, задрапированную малиновой тканью. Поставили на диван, так, чтобы на нее падал свет из окна, и скрылись.

– Дорогой Юрий Ильич, я счастлив, что завершил мой многодневный труд. Поверьте, никогда еще я не работал с таким вдохновением. И теперь волнуюсь, выставляя картину на ваш высокий суд. – Распевцев говорил, склоняясь перед Лабазовым в поклоне. И в этом степенном поклоне, в тихом рокочущем голосе присутствовали благородная величавость и придворный аристократизм.

– Для меня большая честь позировать вам, Филипп Аркадьевич. Все, на кого падал ваш выбор, все, кого изображала ваша кисть, сразу же, как только выходили из вашей студии, сразу же попадали в историю. – Лабазов произнес это с легкой иронией, которая касалась скорей не художника, а его самого. – Я в нетерпении, Филипп Аркадьевич.

Распевцев приблизился к картине. Широким взмахом сбросил малиновый покров. И предстал холст, заключенный в пышную золотую раму. На холсте был изображен Лабазов во весь рост, в темном костюме и синем галстуке, каким его привыкли видеть на торжественных приемах. Он стоял рядом с большим голубым глобусом, на котором были видны Европа и Россия. Его ноги упирались в паркет, инкрустированный дорогими породами дерева. Его лицо было спокойным и властным, в нем отразилась глубокая дума, требующая духовной тишины и гармонии. За его спиной светилось высокое окно с откинутой шторой. В окне янтарно желтел дворец с белыми колоннами, на гранитном постаменте, напоминавшем окаменелую волну, скакал на бронзовом коне Петр. Царственный интерьер, драгоценный паркет, глобус с мировым пространством и, главное, Медный всадник – все говорило о великой роли Лабазова, о его воздействии на мир, на его державную связь с Петром.

– Вы мне польстили. – Лабазов рассматривал портрет, приближал и отстранял лицо. Было видно, что картина нравится. – Вы угадали, я люблю Петербург, и больше всего Сенатскую площадь.

– Я дал понять, что вы, Юрий Ильич, восстановили великую имперскую традицию. При вас Россия снова стала мировой державой. У меня предполагается выставка в Манеже. Прошу у вас позволения выставить портрет как самую дорогую для меня картину.

– Не знаю, стоит ли это делать. И так говорят, что я насаждаю «культ Лабазова». Обвиняют меня в сталинизме.

– Так говорят ваши враги и враги России. А это одно и то же. Россия сосредотачивается, и сосредотачивается в лидере, в предводителе. В вас, Юрий Ильич. Русский народ нашел, наконец, в вашем лице традиционного имперского государя. Если хотите, некоронованного царя. Но все в руках Божьих. Как знать, не протянет ли России Господь с небес долгожданную корону.

– В вашем лице, Филипп Аркадьевич, Россия имеет непревзойденного художника, мыслителя, патриота.

– Мы должны вернуть народу классическое искусство. Все эти либеральные рисовальщики, пакостники, осквернители святынь наводнили музеи, выставочные залы, художественные галереи. Гнать их метлой! У меня есть мечта написать серию портретов сегодняшних русских государственников. Тех, кто окружает вас, как преданные гвардейцы. Быть может, если такая «гвардейская серия» будет создана, мы найдем для нее помещение. В каком-нибудь торжественном здании, где происходят конгрессы, чествования. Как в Зимнем дворце галерея героев двенадцатого года. Лучшие люди России. Сыны Отчества.

– Хорошая мысль. Я подумаю, как лучше ее осуществить. Среди первых картин может быть портрет Евгения Константиновича Лемехова. Он настоящий государственник, настоящий «гвардеец».

Лемехов из-за стеклянной стены слышал разговор и понял, что последние слова президента были сказаны для него.

– О да! – воскликнул Распевцев. – Лемехов возрождает священное русское оружие. В его руке сверкает копье Пересвета. Стану писать его портрет.

– Благодарю за Сенатскую площадь и Медного всадника. Вы получите достойное вознаграждение.

Они простились. Художник ушел, и служители вслед за ним вынесли помпезную картину.

Лемехов собирался вернуться в библиотеку, но появился Дробинник и доложил:

– Пришел Семен Владимирович Братков. Вы ему назначали. Пусть подождет или может войти?

– Пусть войдет. – Лабазов махнул рукой в сторону стеклянной двери, делая останавливающий жест.

Братков был владельцем нескольких крупнейших холдингов, которые добывали нефть, варили сталь, строили олимпийские стадионы, скупали землю в черноземной зоне. Он слыл закадычным другом президента с тех пор, когда тот, еще никому не известный военный, возводил неказистый домик в садовом товариществе. Братков помогал ему строиться, ловил с ним рыбу в озере, давал в долг. Сопутствовал Лабазову в его стремительном возвышении, получая от друга привилегии, которые сделали его одним из самых богатых людей России.

Братков влетел в библиотеку, как упругий, туго надутый мяч. Маленький, плотный, с коротким седым бобриком, веселыми глазками на коричневом от океанского загара лице. Казалось, его кто-то крепко пнул. Пробив дверь, он внес в комнату звон удара и сейчас станет отскакивать от стен, потолка, пока не иссякнет энергия толчка.

– Здравствуй, Юра, – кинулся он обниматься с Лабазовым. – Ну, как самочувствие? Ничего, ничего, молодцом. Сколько можно тебя уговаривать? Плюнь ты на все, поедем со мной на Карибы. Остров назвал твоим именем – Юрьев остров. Дворец, порт, яхта. Поймаем тунца на полцентнера. Мулатки. Отдохнешь недельку от своих чумных забот. – Он обнимал Лабазова за плечи, заглядывал в глаза, словно хотел убедиться, здоров ли тот, в силах ли их дружба.

– Ты что хотел? – сухо спросил Лабазов, освобождаясь от объятий друга.

– К тебе не пробьешься. Твой Дробинник как овчарка. Ты ему скажи, чтобы своих пропускал и не лаял.

– Много работы. Времени нет совсем. Ты что хотел?

– Смотри-ка, что я тебе подарю. – Братков полез в карман и вытащил большое золотое яйцо, усыпанное алмазами. Протянул Лабазову.

Тот принял и небрежно рассматривал. Казалось, подарок был ему неприятен.

– А ты раскрой, раскрой яичко! Вот здесь кнопочка.

Он помог Лабазову найти кнопочку, нажал. Яйцо растворилось, превращаясь в цветок лилии. В сердцевине цветка открылась изящная танцовщица, золотая балерина, которая стала кружиться, плескать ногами.

– Узнаешь? – радостно хохотал Братков. – Специально для тебя изготовил.

Лабазов поморщился. Это был намек на его затянувшуюся связь с красавицей балериной, о чем судачил весь Интернет, упрекая президента в распутстве.

Лабазов закрыл яйцо и небрежно положил на стол:

– О чем ты пришел просить?

– Пустяк, не стал бы тебя беспокоить. Хочу купить нефтеперегонный завод в Беларуси. С батькой договорился, уломал. Он упертый, цену заламывал, но вроде бы сговорились. И вдруг отбой. Что такое? Оказывается, наш-то друг закадычный, Вещий Олег, Олежка наш лупоглазый, у которого зеньки алюминиевые, договорился за моей спиной с батькой. За ту же цену. Но на тебя ссылался, дескать, ты заинтересован в покупке. И батька, который от тебя очередной кредит ожидает, переиграл сделку в пользу Олежки. Так я о чем прошу. Ты цыкни на Лупоглазого, чтобы не щеголял твоим именем. Он, где надо, дружбой твоей щеголяет, а в других местах кроет тебя почем зря. – Братков возмущался вероломством былого друга, старался заразить Лабазова своим возмущением. – Он ведь знаешь, о чем, подлец, говорит? Что ты его избрал своим преемником. Что, дескать, ты устал, хочешь уйти из Кремля. Уехать со своей балериной куда-нибудь в Альпы. И там кататься на лыжах, любоваться ледниками, озерами. Балерина будет танцевать для тебя босиком на альпийских цветах.

Братков воздел руку, изображая танцовщицу, но не подпрыгнул, не ударил ножкой о ножку, а тронул Лабазова за рукав:

– Юра, поговори с Лупоглазым. Он ведь предатель. Мне этот заводик позарез нужен, а ему соликамского калия хватит. Он – Иуда, а я твой верный друг.

Лабазов сбросил с рукава пятерню Браткова, отряхнул пиджак, словно на нем оставалось пятно.

– Он предатель, а ты, Семен, мой верный друг? – Глаза Лабазова сузились, превратились в узкие щели, в которых исчезли зрачки. Губы растянулись в волчьей улыбке, предвещая вспышку гнева. И Братков, зная эти приступы бешенства, повернулся к Лабазову боком, подставляя под жестокий укус плечо.

– Ты говоришь, что безмерно мне предан? Но разве не ты тайно финансируешь этот жидовский телеканал «Золотой дождь», где меня называют фашистом и людоедом?

– Побойся Бога, Юра! Это клевета! Это Лупоглазый марает меня, вбивает клин в нашу дружбу.

– Молчать! – тихо, с сиплым свистом в горле, произнес Лабазов. – А разве не ты тайно посылаешь деньги всей этой болотной сволочи, и они устраивают свои собачьи марши и вешают мое чучело, будто я – нюрнбергский преступник?

– Да что ты! Да господи! Да это враги! Если не Лупоглазый, то Железнодорожник! Он на своих «Сапсанах» совсем очумел. Он говорит, что ты его выбрал преемником.

– Молчать! – Губы Лабазова побелели, и его длинная улыбка стала еще страшнее. – А разве не ты подкармливаешь сайты, на которых распространяются обо мне всякие гадости. Что будто бы я зазываю к себе в резиденцию балерин, и они танцуют передо мною голые. Что я держу в клетках маленьких птичек, ощипываю их заживо и наслаждаюсь их писком, их мучениями. Что у меня рак в последней стадии, я едва хожу, и скоро уйду из Кремля. Не твоих рук дело?

– Юра, клянусь! На иконе клянусь! Наговор! Хотят нас поссорить! Это Узбек ненасытный, которому шашлыки продавать, а ты ему всю русскую сталь подарил! Или Торговец оружием, у которого из жопы ворованный ствол торчит! Или этот Иудей с тройным гражданством, который все русское золото под себя подобрал! Они тебя ненавидят, метят на твое место. Знают, что я тебе настоящий друг, и хотят нас поссорить. Чтобы ты остался один! – Глаза Браткова трусливо скакали, как у раненого зайца, который ожидает выстрела. И одновременно зло и безумно блестели, как перед последним предсмертным броском.

Но выстрела не последовало. Гнев Лабазова вдруг иссяк и свернулся, как сворачивается молоко. Сменился больной усталостью, жалобной укоризной:

– Как вы меня обманули! Вы были мелкими офицериками, жалкими цеховиками, жуликоватыми клерками. Я дал вам все. Русскую нефть и газ. Русский никель и алюминий. Русскую сталь и чернозем. Я передал вам русские железные дороги и порты. Русское золото и алмазы. Я хотел, чтобы вы стали опорой государства, руководили промышленностью, определяли политический процесс. Вместо этого вы вывезли все ценности за границу, вывели свои миллиарды в офшоры, купили острова на Карибах, дворцы в Эмиратах, футбольные клубы в Испании и Англии. И теперь интригуете против меня, примериваете на себя Кремль, рветесь каждый стать наследником. Вы, дикие алчные ничтожества, разорвете Россию на части. Если я исчезну, вы устроите гигантскую бойню, потопите Россию в крови. Вы привозите в Россию то Благодатный огонь из Иерусалима, то Пояс Богородицы с Афона, но вы несете в Россию гибель. И некому вам сказать: «Покайтесь, ехидны!» Некому отрубить ваши ядовитые щупальца! – Лабазов осунулся, пожелтел. Лицо усохло и постарело. Виски ввалились, и на них мучительно запульсировали синие жилки. Он выглядел больным и беспомощным. И это приободрило Браткова, вернуло ему смелость и упрямую наглость.

– Ты ведь тоже хорош, не белым пушком покрыт. Каждая третья капелька нефти, которая из России течет, кому она в карман капает? С каждого самолета, с каждой ракеты и пушки кому «оборонный процент» поступает? Мы по твоему приказу самых козырных тузов из нашей колоды выкинули. Один в Лондоне под камнем лежит, другой в зоне баланды всласть нахлебался. А их-то бизнес к кому перешел? Так что пока ехиднам не время каяться!

Братков блестел белыми вставными зубами. Наслаждался видом немощного Лабазова, из которого, казалось, истекает жизнь.

– Вон! – прошептал Лабазов, хватая себя за кадык. Набрал в грудь воздух и шумным, свистящим шепотом повторил: – Вон! – Жадно хлебнул воздух, проталкивая сквозь горло мешающий кляп, и дико, выпучивая глаза, краснея от хлынувшего гнева, закричал: – Вон отсюда!

Братков сжался, превратился в упругий мяч и вынесся из комнаты. Вслед ему полетело, ударилось о дверь яйцо с бриллиантами. Из расколотого яйца выпала золотая балерина. Шевелилась на полу, дергала ногами, тянула руки, похожая на раздавленную жужелицу.

Лемехов таился в укрытии, не понимая, зачем Лабазов делал его свидетелем этих безобразных пререканий. Открывал подноготную своих отношений с ближним кругом.

Уже собирался вернуться в библиотеку, но вновь возник генерал Дробинник и доложил:

– Юрий Ильич, в приемной ждет Орех Владлен Леонидович. Прикажете подождать?

– Зови. – Лабазов ногой заталкивал под диван шевелящуюся балерину.

Орех появился в туго застегнутом черном пиджаке, в темном галстуке, с аккуратной папочкой в руках. Он был лыс, с тонкими белесыми волосами, зачесанными от уха до уха, не скрывавшими розовую кожу черепа. В его движениях были осторожность и зыбкость, позволявшая мгновенно откликаться на волю руководителя. Так чуткая морская водоросль реагирует на проплывающую рыбу.

Орех был заместителем главы Администрации, отвечал за внутреннюю политику, за общественные проекты и избирательные кампании. Сейчас ему поручили создать новое обще-

ственное движение, в поддержку президента. Популярность Лабазова заметно таяла, а правящая партия все больше теряла у народа доверие.

– Ну как, Владлен Леонидович, идет созидание нового храма? Какая архитектура? Какой строительный материал? – Лабазов не без труда сбросил личину гнева и казался приветливым и веселым. – Ведь вы знаменитый каменщик, не так ли?

– Уж вы скажете, Юрий Ильич! Разве я масон какой-нибудь! – живо откликнулся на шутку Орех.

– Я имел в виду, что вы каменщик, который не разбрасывает камни, а собирает. И что вы там насобирали? – Лабазов усадил Ореха за овальный стол из карельской березы, сам присел рядом. – Что вы там надумали?

Орех раскрыл заветную папочку, извлек несколько листков.

– Вот, Юрий Ильич, план мероприятия. – Орех робел, предъявляя на суд начальника свое творение. – Во-первых, мы решили назвать наше общественное движение «Народным ополчением». Ополчение в защиту президента. Как Минин и Пожарский. Идем освобождать Москву, да и всю Россию, от либеральных захватчиков. Как вы, Юрий Ильич, утверждаете «Народное ополчение»?

– А что, хорошее название, – одобрительно кивнул Лабазов.

– Тогда пункт второй. – Орех осмелел, расправил плечи, голос зазвучал тверже. – Народ собирается на Красной площади, у памятника Минину и Пожарскому, и пятью колоннами идет к Манежу. У каждой колонны свой лидер. Ну, там, известный артист, или врач, или олимпийский чемпион, или телеведущий. Все идут к Манежу, несут гербы городов. Как воинство со щитами и знаменами. Изображения львов, орлов, горностаев, оленей и прочее.

– Орех не изображен? – мило пошутил Лабазов.

– Ну, нет, на гербах нет ореха. – Орех совсем осмелел от шутки президента. – Рассказываю дальше. С песнями, скандируя «Лабазов! Лабазов!», все приближаются к Манежу.

– Неплохо, неплохо, – поощрял Лабазов.

– А разве у нас может быть плохо? – весело, с долей развязности, хохотнул Орех. – Итак, колонны входят в Манеж и выстраиваются перед трибуной. У каждой колоны есть свой поэт, который читает стихи. Стихов еще нет, но что-нибудь вроде этого: «От Байкала, от Урала/ Мы прогоним либерала». Или такое: «И солдаты, и студенты/ Защищаем президента». Но это, конечно, «рыба». Стихи напишут настоящие поэты.

– Да и это неплохо. – Лабазов одобрял творчество старательного Ореха.

– И наконец, кульминация! – Орех приподнялся, взмахнул рукой, как это делает конферансье, приглашая на сцену артиста. – Появляетесь вы, Юрий Ильич. Может быть, в кольчуге и шлеме. Или, если это слишком театрально, в обычном строгом костюме. И кто-нибудь из колонн, может быть, седобородый старик или женщина, символизирующая Родину-мать, вручает вам меч. Символ защиты государства.

Орех торжествующе посмотрел на Лабазова, как если бы уже теперь вручал ему мечкладенец.

Лицо Лабазова, минуту назад выражавшее снисходительное одобрение, вдруг сморщилось. Его перекосила гримаса брезгливости и отвращения.

– Какая пошлость! Какая тупая безвкусица! Прокисший борщ! Протухшая рыба! За что мне такое?

Он отпихнул папку, и листки посыпались на пол. Орех растерянно, дрожащими руками, стал подбирать листки.

– О чем я вам говорил при нашей последней встрече? Мне не нужны бутафорские представления, какие устраивают в провинции на День города. Мне не нужна организация все из тех же перебегающих из партии в партию наемников. Мне нужна партия нового типа! Мне нужен орден меченосцев! Мне нужны опричники и гвардейцы. – Лабазов метался по ком-

нате, давя разбросанные по полу листки, едва не наступая на пальцы Ореху. – Мне нужна партия-топор, которая отрубит щупальца у осьминога коррупции! Мне нужна партия-копье, которая вонзит острие в ядовитые языки либералов! Мне нужна партия-ракета, которая унесет нас в новую русскую цивилизацию! Мне нужна партия-лазер, которая выжжет глаза врагам России, откуда бы эти глаза ни смотрели! Мне нужен человек, который создаст такую партию! А всякие желуди, орехи и тыквенные семечки мне не нужны! Ступайте и больше не приходите ко мне со своими дурацкими проектами! Ненавижу козьи орехи! – Лабазов произнес это вслед убегавшему «ополченцу», затаптывая лежащий на полу листок. – Евгений Константинович, выходите из своего зазеркалья.

Лемехов вернулся в библиотеку, ошеломленный тем, что видел и слышал. Лабазов умышленно сделал его свидетелем трех аудиенций.

– Теперь вы видели, кто меня окружает. Льстецы, предатели и идиоты. Нет людей! Пустыня! Вы один. Вы делаете дело, от которого зависит судьба государства. Я верю вам. Не обманите меня!

– Я вас не обману, не предам, Юрий Ильич.

– Вы моложе меня, сильней. Я отношусь к вам, как к сыну.

– Надейтесь на меня, – взволнованно произнес Лемехов, испытав к Лабазову внезапное обожание.

– Я вас вызову позже!

Лемехов шел через Ивановскую площадь, среди белизны и туманного золота.

Глава 4

В Северодвинске, на заводе «Севмаш», готовились к торжеству. Спускали на воду стратегическую подводную лодку новейшего класса «Борей», которая резко усиливала мощь военно-морского флота, ослабленного в годы разрухи. Эта лодка несла в своих шахтах шестнадцать баллистических ракет. Была способна пускать их из-под воды. Проталкивать в огненную полынью сквозь полярные льды. Посылать шестнадцать чудовищных взрывов американским городам, преодолевая заслон враждебных антиракет.

Эта лодка была аргументом на переговорах с Америкой, касались ли эти переговоры проблемы Сирии или соблюдения прав человека в России. Эта лодка убеждала соперников в том, что права человека в России соблюдаются и что Сирия и впредь может чувствовать локоть России. Спуск лодки отслеживали все разведки мира, освещали военные аналитики всех крупных держав. Лемехов летел принимать это грозное оружие, плод непомерных усилий промышленности, науки и флота.

Он вылетал из Внукова, из правительственного терминала, где его поджидала свита чиновников, пул журналистов. Персональный самолет был готов к взлету. Заместитель Двулистиков делал краткий доклад, пока Лемехов в зале ожидания пил чашечку кофе.

– Академики, командующий флотом, представители Генерального штаба уже на верфи. Они вылетели из Петербурга своим бортом. У нас почти все в сборе. Не хватает одного человека.

Двулистиков стоял у столика слегка склонившись, и Лемехов не предлагал ему сесть. У Двулистикова было вытянутое лицо с утиным носом, близко посаженные, пугливые глаза, хрящевидные, плотно прижатые уши. Иногда, в моменты возбуждения, от него начинал исходить острый уксусный запах. Зная за собой эту неприятность, он душился одеколоном. Двулистиков был сокурсником Лемехова, когда оба учились в Дипломатической академии на факультете геополитики. Двулистиков еще на вступительных экзаменах преисполнился обожания к Лемехову, который помог ему написать сочинение. С тех пор он следовал за Лемеховым как тень.

Обожал в нем ум, великолепную внешность, легкость таланта, неизменность успеха, с которым тот преодолевал одну препону за другой. Лемехов позволял себя обожать, пользовался преданностью Двулистикова, увлекал за собой в стремительный карьерный полет. Так стальная игла прокалывает твердую ткань, продергивая мягкую нить. Их отношения не являлись дружбой, как не являются дружбой отношения березы и подберезовика. Двулистиков, как правило, называл Лемехова по имени-отчеству и лишь в редкие минуты воодушевления, во время фуршетов, чокаясь с ним, говорил ему «Женя».

– Все готовы, Евгений Константинович. Нет лишь одного человека.

– Кого?

– Верхоустина Игоря Петровича.

– Кстати, я просил вас, Леонид Яковлевич, навести о нем справки.

– Я навел. Могу зачитать резюме.

Двулистиков извлек свой неизменный блокнотик с золотой ручкой, вставленной в кожаную петельку.

– Верхоустин Игорь Петрович. 1963 года рождения. Русский. Имеет в роду священников. Окончил филологический факультет университета. Участвовал в фольклорных экспедициях на Север, где записывал русские песни. Работал на археологических раскопках в Новгороде, где искал берестяные грамоты. Уехал в Америку и стажировался в Йельском университете на факультете социальной психологии. Вернувшись в Москву, работал в аппарате ЦК КПСС в идеологическом отделе. Участвовал в написании «Слова к народу», которое называли манифестом ГКЧП. После ареста путчистов уехал в Мексику, где участвовал в конгрессе колду-

нов. Вернувшись в Россию, работал в пиар-агентстве, выполняя задания банков и корпораций. Прочитал несколько лекций в Академии ФСБ и в МИДе. Сейчас вольный художник, помогает устроителям выставок современного искусства.

Двулистиков закончил читать, сохраняя позу полупоклона.

– Странный пушкинист, – произнес Лемехов, поднося ко рту чашечку кофе. И в этот момент в зал ожидания вошел Верхоустин, в плаще со следами дождя, с кожаным баулом на колесиках. На бледном лице странно, неправдоподобно светились васильковые глаза.

– Слава богу, не опоздал. Шофер такси не сразу нашел дорогу. Не часто летаю правительственными рейсами. – Он пожимал Лемехову руку, и пожатье его было мягким, осторожным, словно он боялся боли.

Пригласили на посадку. Щеголеватый командир корабля перед трапом рапортовал Лемехову. Журналисты с аппаратурой и чиновники с портфелями разместились в основном салоне. А Лемехов и Верхоустин заняли место в переднем отсеке, украшенном кожей и дорогим деревом. Милая стюардесса постелила на столик крахмальную скатерть. Самолет разбежался, звонко взлетел. Аэродром отпрянул вниз, и открылись темно-золотые осенние леса с затуманенными синими елями, тусклый блеск воды. Все померкло, погрузилось в клубящиеся тучи, плеснувшие в иллюминатор длинные брызги. А потом сверкнуло солнце, и вся угрюмая холодная осень и гнетущий сумрак остались внизу, за непроглядной пеленой. Самолет летел в прозрачном звоне, окруженный лазурью. На белом крыле переливался лучистый свет.

Стюардесса расставляла тарелки и хрусталь. Раскладывала приборы. Ставила блюда с черной и красной икрой, с ломтями рыбы и балыка. Наливала французский коньяк в хрустальные рюмки.

– Ну что ж, за Александра Сергеевича Пушкина? – шутливо произнес Лемехов, чокаясь с Верхоустиным.

– «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» – ответил в тон ему Верхоустин.

Они молчали, наслаждаясь легчайшим опьянением, будто кто-то провел перед глазами нежной рукой, и все стало ярче, отчетливей.

– Мы сейчас взлетали, и я подумал, какая мучительная красота в этих осенних русских лесах, в сырых полях, – произнес Верхоустин. – Словно твоя душа навеки покидает любимую землю. У нашего знаменитого художника Распевцева есть портрет Раушенбаха в период его болезни. Великий физик в больничном халате, с огромными измученными глазами летит над осенними рощами, седыми озерами, вьющимися дорогами. Расстается навек с этой прекрасной землей. Распевцев словно знал, что Раушенбах скоро умрет, и сделал его прощальный портрет.

Васильковые глаза Верхоустина были мечтательны и печальны. А Лемехов вдруг вспомнил свой недавний визит к президенту. Как в библиотеку служителя внесли портрет в золотой раме, где Лабазов красовался на фоне Медного всадника. И его лицо было исполнено надменного величия.

– Я только что видел картину Распевцева, на которой изображен президент. Слава богу, его глаза не были измученными и больными.

– Я тоже не верю слухам о его нездоровье. Хотя в одной компании, в узком кругу, я слышал, что будто бы по воле президента создается тайный проект под названием «Бессмертие». Президент якобы серьезно болен и ищет эликсир долголетия и бальзам бессмертия. К проекту привлечены лучшие биохимики, врачи, генетики, молекулярные биологи, специалисты по пересадке органов. Там работают создатели искусственного интеллекта, психологи, специалисты по образам. В проект приглашены богословы, шаманы, последователи Николая Федорова, знатоки волшебных технологий. Финансируют проект наши виднейшие олигархи. Кстати, об этом проекте рассказывал Семен Владимирович Братков, который, похоже, и сам участвует в его финансировании.

У Лемехова дрогнуло сердце. Верхоустин со своими младенчески-синими глазами опять назвал человека, побывавшего в кремлевской библиотеке. Это могло быть совпадением, но это совпадение испугало.

– Бессмертие нужно человеку, который осуществляет какой-нибудь громадный, длящийся бесконечно замысел. – Лемехов не обнаружил испуга. – Одной жизни такому человеку не хватит. И второй тоже не хватит. Такой, рассчитанный на вечность, замысел осуществляет, должно быть, только Господь Бог. А наши олигархи, такие как Братков, хотят бесконечно вкушать экзотические яства, наслаждаться без устали женщинами, обзаводиться все большим количеством яхт, машин, самолетов. Но для этого не стоит жить вечно. Президент Лабазов имеет большой проект. Для его реализации не хватит одной жизни. И поэтому он ищет себе преемника. Но, уж конечно, не Браткова.

Верхоустин смотрел в иллюминатор, вел глазами, и казалось, солнце перемещается за его взглядом. Проникло в салон и засверкало в хрустальной рюмке. Лемехову было больно смотреть на это сверкание.

– Мало кто из людей способен на большие проекты. Казалось бы, судьба дает им такую возможность. Но они уклоняются, бегут, занимаются пустяками. Один видный чиновник из Администрации президента, кому поручено заниматься внутренней политикой, признался мне, что его политика не интересует, а он всю жизнь, с самого детства, коллекционирует фантики от конфет. И у него, должно быть, самая большая в мире коллекция фантиков.

– Как имя чиновника? – замирая, спросил Лемехов.

– Владлен Леонидович Орех.

Они молчали. Солнце ушло из рюмки, и Верхоустин не пытался вернуть его обратно в хрусталь. Лемехов был подавлен. Странная связь обнаружилась между ним и сидящим напротив человеком. Эта связь была неявной, проявилась в трех странных совпадениях, словно Верхоустин каким-то чудесным образом присутствовал в той кремлевской библиотеке. Или имел дар ясновидения. О чем говорили его странно-голубые глаза, которыми он проникал в глубину чужого сознания.

– Россия тоскует по Большому проекту, – сказал Верхоустин. – Она заждалась Большого проекта. Русская история ищет для себя просторное русло, а ее заталкивают в мутную заводь. Русская история попала в эту мутную заводь и ходит в ней по кругу. В этой заводи, где нет протоки, вода застоялась и заболотилась. В ней появилась тина и сине-зеленые водоросли. Уже три десятилетия Россия опутана сине-зелеными водорослями. В нее вцепились раки, жуки-плавунцы, ядовитые личинки. Россия ждет, когда хлынет вольный поток. Русская история стремится найти широкое русло. – Верхоустин говорил спокойно, и его бледное сухое лицо казалось застенчивым, словно ему было неловко выступать в роли проповедника. – Повторяю, президент Лабазов имеет Большой проект.

Лемехов изумлялся тому, что сидящий перед ним человек угадывает его скрытые мысли. Что его проницательные голубые глаза разглядели неясные тревоги и разочарования, которые Лемехов гасил в кромешных трудах.

– Через час мы увидим, как на воду спускают изделие, переводящее Россию в новую цивилизацию.

– Россия сама – грандиозный корабль, севший на мель. Нужен огромный прилив, непомерная волна, чудовищный удар океана, чтобы Россия сошла с мели. Президент Лабазов чувствует необходимость Большого проекта. Но у него не хватает воли. Слишком много душевных и физических сил он потратил на сиюминутные нужды. Слишком часто он упивался властью, играл в нее, использовал власть для утоления личных капризов. Властью невозможно играть. Она не терпит игры. Она ускользает из рук тех, кто в нее играет. И тогда незадачливый игрок слышит, как в кремлевские ворота ломятся заговорщики. Он слышит ропот бунта. На него со

всех сторон смотрят глаза предателей. И эти глаза ищут, где у него на шее бьется синяя жилка, чтобы легче ее перерезать.

– Вы говорите так, словно всю жизнь изучали природу власти. – Лемехов чувствовал исходящую от Верхоустина опасность. Опасность таилась в синих глазах, одиноко сиявших на бесцветном лице. Эти глаза только что водили солнцем, заманили светило в салон самолета, заключили в хрустальную ловушку. Теперь эти глаза вели его, Лемехова, и он слабо сопротивлялся.

– У меня был в жизни период, когда краткое время я работал референтом идеологического отдела ЦК. С этого скромного места мне открывалась вся картина последней советской схватки. Я видел людей, которые участвовали в схватке. Я помогал тем, кто старался сохранить государство. Я написал им бумагу, которую потом называли историческим манифестом, предвестником путча. Это был переломный момент. Кончился один Большой проект, и Россия нуждалась в другом, не менее великом, чем прежний. Русская история уперлась в плотину и искала для себя свободное русло. Искала человека, который вместил бы в себя всю мощь исторического потока. Мне казалось, что среди членов ГКЧП есть такой человек, обладающий исторической волей. Что его избрала история в качестве нового русла. Но я ошибся. Среди последних советских вождей не нашлось такого, в ком история обрела бы свой путь к океану. И она хлынула в мелкие протоки, которые вели в болото. Горбачев и Ельцин – это мнимые русла русской истории, которые привели ее в гнилую заводь.

– А президент Лабазов?

– Казалось, что в нем русский поток обрел наконец свой выход в океан. Но и он оказался мнимым. История отхлынула от него, и мы видим, как на высохшем дне поблескивают мелкие ракушки его суетливых дел.

Опасность нарастала. Лемехов чувствовал гипнотизм васильковых глаз. Чувствовал, как в его сознание бросают таинственные семена, и они начинают прорастать. Грозят превратиться в ядовитый цветок, от которого яд расточится по всей его жизни, отравит его бытие.

– Кто же может стать руслом русской истории? – невнятно спросил Лемехов.

– Быть может, вы.

– Мне кажется, теперь, как и четверть века назад, вам свойственно заблуждаться, – нервно засмеялся Лемехов.

– Тот нищий у входа в храм. Тот юродивый, как в пушкинском «Борисе Годунове». Быть может, в его безумном рассудке открылась истина?

Верхоустин повернул лицо к иллюминатору. Устремил взор вниз, где тянулся серый рыхлый покров облаков. Лемехов следил за его зрачками. И вдруг, под воздействием этих зрачков, серый покров распался. И открылась земля, в золотых необъятных лесах, с темными, похожими на синие тени, еловыми борами, лазурными озерами. Солнце сквозь тучи посылало на землю пышные снопы лучей. И там, где лучи касались земли, все переливалось, дышало, сверкало. Душа Лемехова вдруг восхитилась, словно там, на земле, ему была уготована небывалая, исполненная красоты и величия доля. Это прозрение в небесах продолжалось мгновение. Облака сомкнулись. Золотая земля пропала. Только в душе продолжалось ликование, звучала чудесная музыка.

Самолет пошел на снижение, опускался на дождливый бетон среди желтого мелколесья.

С аэродрома колонной машин отправились на завод. Цех – огромное потное чрево, в котором, как громадные зародыши, зреют подводные лодки. Закопченное стальное нутро, в ядовитых отсветах, с конвульсиями бегущих огней. Запах горелой стали, газа, сладких лаков, едкой сукрови, выступающей на бетонных стенах. На стапелях – лодки. Присосались к дышащей матке, наращивают плоть, пульсируют, как ненасытные эмбрионы. Одна, ржаво-красная, покрытая суриком, в сварных пухлых швах, с темными пустыми провалами. У другой – белый титановый корпус с пуповинами кабелей, труб. Жадно пьет электричество, газ, сжатый воздух.

Третья, черная, смоляная, покрыта вязкой резиной, с горбатой рубкой, в которой шипит синее пламя сварки. Винт в корме похож на латунный цветок.

Готовая к спуску лодка – непомерно огромная, как черная гора, с горбами и выступами. Живая, угрюмая, в устрашающей неподвижности она похожа на гигантский мускул, способный сдвинуть с места планету. На черной бортовине бело-красная, славянскими буквами, надпись «Державная» и драгоценная, как бриллиант на темном сафьяне, икона. Люди, собравшиеся у борта, кажутся песчинками, прилипшими к глянцевитой коже кита.

Лемехов, в пластмассовой каске, стоял в окружении адмиралов, конструкторов, представителей министерств и ведомств. Главнокомандующий флотом, седеющий, с бронзовым лицом, взволнованно смотрел на атомную громаду, поступающую в распоряжение флота. Старый академик, автор проекта, бессильный и немощный, опирался на трость. Преодолев недуг, прилетел полюбоваться на любимое детище. Губернатор, бородатый, лобастый, похожий на медведя, горделиво оглядывался, давая понять, что такое изделие могло быть создано только в его вотчине. Директор завода, утомленный бессонными ночами, выглядел счастливым и торжествующим в этот победный час. Владыка был в золотом облачении, которое казалось солнечным слитком на фоне черной, как вар, лодки. Оркестр приготовился дуть в медные трубы, грохотать тарелками, стучать в барабаны. Тут же телеоператоры готовили свои камеры, репортеры мерцали вспышками. Поодаль, в белых касках и робах, стояли рабочие, изготовившие эту лодку, которая мрачно, забыв о своих творцах, была готова порвать пуповину.

Лемехов уже побывал на лодке, на всех ее уровнях, во всех отсеках. Был пропитан запахами краски, лаков, холодной стали. Он прошагал по палубе, где круглились шестнадцать люков, закрывавших пусковые шахты. Люки напоминали клапаны чудовищной флейты, под звуки которой мир закроет свои опаленные глаза. Лемехов касался ладонью стальной плиты, за которой таились пусковые шахты, ожидавшие шестнадцать ракет, громадных, как колокольни. Реактор, еще без топлива, окруженный поясами защиты, уже испускал таинственное излучение, и Лемехов, заглядывая в тугоплавкое смотровое стекло, чувствовал сверхплотный сгусток энергии, который толкнет громаду во тьму подводных течений.

Он чувствовал лодку, как вместилище огромных знаний, скопление небывалых открытий, воплощение чудесных прозрений. Каждый прибор, каждая клавиша, каждый мотор и компьютер были итогом великих трудов, неповторимых умений. И он, Лемехов, своей волей и страстью сводил воедино работу тысяч заводов, усилия бессчетных институтов и лабораторий. Сжимал в кулаке разбегающуюся галактику производственных конфликтов, ведомственных распрей. Одолевал хаос, своеволие и беспомощность. Это была и его лодка. Триумф его организационных дерзаний, государственных представлений. Лодка, в своей стомерной сложности и могуществе, и была государством. Имя «Державная» с бриллиантовой иконой делало лодку священной опорой государства Российского.

Он первым подошел к микрофону, и его слова, металлически-четкие и звенящие, улетали в даль цеха, сливаясь с туманным эхом.

– Я поздравляю великий коллектив великого завода. Лодки и корабли, уходившие с этой северной верфи в Мировой океан, обеспечивали свободу и независимость России среди бурь мировой истории. Эта лодка всеми тысячами своих деталей и элементов – ракетами и компьютерами, бесшумными винтами и системой космической связи, реактором и лопатками турбин – подтверждает способность России создавать изделия двадцать первого века. Подтверждает, что наш народ – по-прежнему самый талантливый и трудолюбивый народ мира. Я передаю вам поздравления нашего президента, который внимательно следил за строительством лодки и для которого ее спуск на воду является личным праздником. Спасибо, братья! Россия, вперед! – Эти слова он произнес, воздев вверх кулак. Ему аплодировали. Вспыхивали блицы, мерцали окуляры. Лодка слушала его. Казалось, хотела запомнить речь своей угрюмой памятью, чтобы унести в черные глубины.

Вторым говорил академик. Он опирался на палку. Руки его тряслись. В голосе дребезжало множество трещинок.

– Такой лодки нет у американцев. В этом я вас уверяю. Построив эту лодку, мы обеспечили мир нашим детям и внукам. А я уже дед восьми внуков. Может быть, она всплывет ненадолго у Калифорнии и передаст американцам наш пламенный привет. Эту лодку мы продолжали строить в самые черные годы, чернее не бывало. Строили бесплатно, натощак. Многие не дожили. Они бы сейчас порадовались. Порадовались бы и наши великие флотоводцы, такие как адмирал Горшков. Жизнь кончается, а замыслы продолжают рождаться. Хорошо, что в науку идут молодые. Очень хорошо. – Академик закашлялся, из старческих глаз потекли слезы, и он отошел, опираясь на трость.

Лодка слушала его, и казалось, на ее черных бортах как барельефы проступают лица ученых, инженеров, адмиралов, и среди них – тяжелое, с насупленными бровями лицо адмирала Горшкова.

Говорил Главком флота. Его бронзовое лицо было властным и торжественным. Лодка поступала в его распоряжение, резко наращивая мощь военно-морских сил. Она пополняла стадо, которое паслось в Мировом океане. Он знал, в какие районы мира уйдет стратегический крейсер, невидимый для спутников и самолетов противника, не оставляя среди течений ни звука, ни тепловой борозды, ни следов радиации. Лодка была воплощением войны и гарантом мира, и эта двойственность странно присутствовала в лице Главкома.

– Флот благодарен заводу, товарищи. Благодарен рабочим и инженерам. Благодарен великому ученому. – Он поклонился академику, который отирал платком слезы. – Вы должны быть уверены, товарищи, что экипаж будет беречь лодку, как драгоценность. А в час «Ч» выполнит свой долг до конца. Евгений Константинович, прошу передать президенту, – он поклонился Лемехову, – что флот чувствует его заботу, его вклад в обороноспособность Родины.

Выступал губернатор. Его короткая борода упрямо торчала. Ноги, когда он подходил к микрофону, слегка косолапили, и это еще больше усиливало его сходство с медведем.

– Мы северные люди и ближе всех к Полярной звезде. Здесь были созданы прекрасные песни и сказы. Здесь родился великий Михайло Ломоносов. Здесь поморы ходили на ладьях к Северному полюсу. Эта лодка прекрасна, как северная песня и северный сказ. А вы, мои дорогие, – он поклонился рабочим, – наши песенники и сказители!

– А мы, заводчане, говорим вам, Евгений Константинович, – обращался директор к Лемехову, – давайте нам больше заказов. Мы их все примем и выполним во славу Отечества!

Владыка, сияя облачением, приступил к освящению лодки. Его иконописное лицо было строгим и благоговейным. Голос рокотал, взлетая к стальным перекрытиям цеха. Черная махина молча внимала.

– Господи Боже наш, седяй на Серафимах и ездяй на Херувимах, мудростью украсивый человека, ниспосли благословение Твое на судно сие и Ангела Твоего к нему пристави, да шествующие в нем им хранимы и наставляеми, в мире и благополучии путь свой совершивши.

Владыка принимал из рук священника кропило, окунал в чашу с водой, кропил лодку. Брызги летели в собравшихся. Лемехов, чувствуя на лице холодные капли, думал, что молитва уплывет вместе с лодкой в пучину, сбережет экипаж среди смертоносных стихий.

Директор завода замахал руками, подавая знаки рабочим в касках. Сразу три бутылки шампанского разбились о корму, нос и борт лодки, брызнули стеклом, белой пеной, под крики «ура». Сверкали вспышки, операторы сновали вдоль борта.

Заместитель Двулистиков подал Лемехову кусок мела. Лемехов подошел к черному, нависшему борту и старательно, крупными буквами, как школьный учитель на доске, вывел надпись: «Не валяй дурака, Америка!» И все вокруг ликовали, хлопали. Операторы и фотографы снимали эту хлесткую имперскую надпись.

Оркестр грянул государственный гимн, и над лодкой стал подниматься трехцветный флаг. Чтобы потом, когда лодка, пройдя все испытания, поступит на вооружение флота, над ней вознесся, заструился своим синим крестом Андреевский стяг.

Медленно растворялись ворота цеха. В темный металлический воздух ворвался ветер и свет. Осеннее солнце играло на далеких водах, и в тусклом серебре метались чайки. Лодка дрогнула, словно почуяла стихию, которая ждала ее в свои сокровенные глубины. Заскрипели невидимые катки, задрожали железные фермы, и под медный гул, звяк тарелок, бой барабана лодка пошла из цеха.

Лемехов завороженно смотрел на движение выпуклого бархатно-черного борта, на драгоценную надпись «Державная». Непомерная тяжесть, слепая мощь перемещались под воздействием неведомой воли. Чтобы наполнить мир своим чудовищным механизмом, передвинуть ось, вокруг которой вращается шар земной.

Лемехов вдруг увидел Верхоустина. Его лицо было пугающе белым, исполнено великого напряжения. На этом белом, с серебристым оттенком лице пламенели синие глаза. Он вел взглядом вдоль борта, усилием зрачков толкал лодку, и она, повинуясь этому исступленному взгляду, двигалась, ускоряла скольжение. Верхоустин выводил лодку из цеха. Его взгляд был способен двигать солнце в небе, перемещать непомерные массы земной материи, вторгаться в глубины чужого сознания. Лемехов прогнал наваждение. Повернулся к директору, чье утомленное лицо помолодело.

Лодка, покинув цех, переместилась в док, чтобы вместе с доком уйти на глубину и в пене и грохоте, в зеленых водоворотах, всплыть, покачивая черными глазированными бортами. Два неторопливых буксира потянут ее на водную ширь, и она, облизанная водой и солнцем, затемнеет, как рукотворный остров.

Глава 5

После торжественной церемонии состоялся фуршет. В здании заводоуправления были накрыты столы. Расставлены мясные и рыбные закуски, фрукты, бутылки. Толпились инженеры, конструкторы, начальники цехов, мастера. Среди пиджаков и галстуков виднелись морские мундиры. Батюшка, служивший в заводском храме, блестел золотым крестом. Разливали напитки, чокались, преодолевали смущение, шумели, гомонили. Раздавался смех, здравицы.

Один из столов был сдвинут в сторону, и подле него стояли Лемехов, руководство завода, губернское и городское начальство, приехавшие гости. Лемехов выделялся своим ростом, вольными движениями, элегантным костюмом, шелковым, небрежно повязанным галстуком. Он источал благодушие, был приветлив, доступен. Чувствовал, как все исподволь за ним наблюдают. Делал вид, что не замечает этих испытующих, ищущих взглядов. Он уделял внимание всякому, кто к нему подходил. Прикасался своим бокалом к протянутой рюмке.

Директор порозовел от выпитой водки, воодушевленный и осмелевший. Был человеком, который прорвался сквозь громаду непосильных трудов, опасных рисков, неодолимых препятствий. Теперь он был победитель.

– А все-таки мы сделали это, Евгений Константинович. – Его рюмка расплескивала водку, а в хрустальном бокале Лемехова золотилось шампанское. – Я свечи в храме ставил, Богу молился. Но не Бог помог, а вы, Евгений Константинович. Вы на себя эту лодку замкнули. Минфин вы напрягли. «Северсталь» вы на место поставили. Корпорацию вы вразумили. Ну, конечно, и нам досталось. И правильно, что на ковер вызывали, ногами на нас топали. Я не обижен, а благодарен. Нам жесткая, военная дисциплина нужна. Как при Сталине. Вы с президентом общаетесь, подскажите ему, что народу нужно жесткие рамки поставить. Нам без жестких рамок новое оружие не создать. Вы это понимаете, Евгений Константинович. Промышленность вас уважает. С вами программу президента мы выполним.

– Следующую лодку станете спускать, президент приедет. Уговорю его. – Лемехов любил этого захмелевшего директора, который множество дней и ночей провел возле лодки, так что его тяжелое, с седыми бровями лицо странным образом запечатлело лодку. Ее выступы, сумрачную рубку, грубую мощь и таинственное свечение.

Академик шаркающей походкой приблизился к Лемехову. В его руке с хрупким запястьем дрожала коньячная рюмочка. Сухое, с запавшими щеками лицо, седина, сеть склеротических сосудов на носу, как фиолетовые разветвленные корешки. И серые сияющие глаза с веселым молодым блеском.

– Примите мои искренние поздравления. – Лемехов склонился в поклоне перед именитым старцем. – Вы снова подарили России шедевр.

– Шедевр не шедевр, а лодка, скажу я вам, получилась. На американских верфях такую еще не построили.

– Я вспомнил афоризм Паскаля: «Камень, брошенный в море, меняет все море». Ваша лодка, спущенная в океан, меняет весь океан.

– Но это уже дело прошлого. В голове-то уже другое крутится. Тело дряхлеет, а ум не желает стареть. Все примеряет, продумывает, фантазирует. Такие интересные идеи рождаются!

– Над чем вы работаете?

– Одну лодочку маленькую придумал. Такую миниатюрную, как дюймовочка. Вот мы газопроводы по морскому дну протягиваем на тысячи километров. А защищать их некому. Эта лодочка вдоль газопроводов сможет ходить и их прикрывать от вредителей. А еще может гидрофоны супостата выводить из строя. А еще может спецзаряды у берегов супостата устанавливать, чтобы поднимать цунами. Много чего еще может.

– Вы бы эту лодочку нам показали.

– Я и хочу, Евгений Константинович. Пришлю документацию, а вы на Военно-промышленной комиссии обсудите.

– Жду документацию. – Он чокнулся с академиком, видя, как на впалом виске пульсирует, питая мозг, синяя жилка.

Главнокомандующий флотом выпил не одну рюмку водки, и его широкоскулое лицо было фиолетово-красным, словно его обожгли ветры всех широт.

– А я вам говорил, Евгений Константинович, и опять говорю. Для полноценных военно-морских операций каждый наш флот должен иметь палубный авианосец. Подсчитано, что в акваториях Черного, Средиземного, Балтийского, Баренцева морей, в районах Тихого океана Россию ждет десяток локальных конфликтов. Без авианосцев эти конфликты не выиграть. Я очень прошу убедить президента включить в программу перевооружения строительство авианосцев.

– Я говорил об этом с президентом. Он понимает проблему. Он распорядился искать верфи для размещения подобных заказов.

Они чокнулись, и главком выпил, высоко, по-офицерски, подняв локоть.

Губернатор, косолапя, сутулясь, подошел, похожий на матерого медведя.

– Конечно, Евгений Константинович, нашему президенту виднее, но я бы на его месте сделал вас Председателем правительства. Оно бы заработало без пробуксовок. России нужен разбег, а то мы застоялись. Когда Россия стоит, в ней всякая муть заводится, народ начинает дурить. Всякие Болотные площади. Вот вы бы России дали разбег, пнули ее хорошенько, и она от этого пинка снова станет великой державой.

– А вы не боитесь, что от этого пинка многие губернаторы полетят кувырком?

– А и правильно, пусть летят. Пусть и я полечу, если не справляюсь. Как раньше пели: «Была бы только Родина богатой да счастливою». Нужен, нужен пинок, а иначе начнем дурить. Об этом и президент говорит. За здоровье нашего президента! – Он выпил водку и отошел, покачиваясь, обходя невидимые препятствия, как, должно быть, медведь обредает лесные кочки.

К Лемехову подошел его заместитель Двулистиков, держа в руках рюмку с водкой. Было видно, что это не первая рюмка. Маленькие глазки, окруженными красными веками, возбужденно блестели. Утиный нос порозовел, и на нем выступили микроскопические капли пота. Плотно прижатые хрящевидные уши были белые, словно отмороженные, а мочки налились пунцовым жаром. Он был возбужден, и, как всегда в такие минуты, от него пахло едким уксусом, запах которого был бессилен перебить дорогой одеколон.

– Женя! – Двулистиков обратился к Лемехову по имени, ибо это был тот редкий случай, когда Двулистиков пренебрегал субординацией. Ему хотелось вспомнить их студенческие отношения. – Женя, ты великий человек! Как ты мог догадаться и написать на лодке: «Не валяй дурака, Америка!» Теперь эта наша «Державная» всплывет где-нибудь у Флориды, и американцы сбегутся на набережную Майами, чтобы прочитать этот привет из России! Подумают, что это предупреждение самого президента Лабазова! – Глаза Двулистикова с обожанием смотрели на Лемехова, и это был взгляд не друга молодости, не сослуживца, взирающего на начальника, а верующего язычника, припадающего к стопам кумира. – Как я тебе благодарен, Женя. За все, за все! И за то сочинение, которое ты мне помог написать. В слове «удовлетворительный» я сделал три ошибки, а ты их исправил. Без тебя мне бы не попасть в академию. И за то, что взял меня после академии в политику, и мы с тобой создавали русские организации в Казахстане, в Молдавии, на Украине. И за то, что сделал меня своим помощником, когда избирался в Думу. И за то, что захватил с собой в Академию Генерального штаба. И за работу в корпорации, и в министерстве, и теперь, когда так высоко взлетел! Ты мой настоящий друг, настоящий благодетель, настоящий командир!

В словах Двулистикова не было подобострастия или желания польстить и угодить. А было истинное восхищение, потребность иметь предмет обожания и бескорыстной любви. Сотворить божество, которому можно поклоняться. Лемехов привык к этим изъявлениям преданности, которые лишь иногда принимали открытые формы. А в обычное время проявлялись в предельной исполнительности и трудоспособности, делавшей Двулистикова незаменимым.

– Ну что ты, Леня. Что бы я делал без тебя. Наш тандем нерасчленим! – Лемехов благосклонно улыбался, а сам чуть сторонился Двулистикова, от которого пахло летучей мышью.

– Нет, Женя, ты не понимаешь! – Двулистикову казалось, что он не нашел достаточных слов, чтобы выразить свою преданность. – Ты пойми, ты для меня цель, ориентир, лидер, статуя на носу корабля. Я всю жизнь иду за тобой, зная, что ты не ошибешься. Что, следуя за тобой, я следую правильным курсом, Что моя судьба повторяет твою судьбу. Я иду за тобой след в след. Читаю книги, которые ты читаешь. Покупаю костюмы в тех же бутиках, что и ты. Люблю, как и ты, золотистых блондинок. Занялся охотой, потому что и ты охотник.

Лемехову были приятны эти изъявление преданности. Он позволял Двулистикову эту страстную исповедь, которая была для того наградой за тяжкие изнурительные труды. За бесчисленные поездки, склоки между армией и промышленностью, кадровые конфликты, встречи с директорами и испытателями, лоббирование думских депутатов, ангажирование журналистов. Двулистиков был незаменим, неутомим, знал все тонкости управления, все ухищрения политики.

– Ты, Леня, моя опора. Пока ты рядом, я несокрушим. – Лемехов смотрел на хрящевидные уши Двулистикова, которые шевелились, как отдельно живущие существа. Казалось, что они сейчас поползут, перемещая белые хрящи и пунцовые, налитые кровью мочки.

– Спасибо, Женя, за теплые слова. У нас с тобой все всегда получалось. Тебя любит Боженька, Он тебя по жизни ведет. А за тобой и меня. Тебя Боженька высоко посадит, с собою рядом. Ты, Женя, станешь президентом. У тебя нет соперников, потому что тебя Боженька любит. А значит, и меня. Мне за тобой вверх взлетать, а крылья есть у меня? Взлечу ли? Ты меня с собой забери, я тебе и там пригожусь. Заберешь, Женя?

Двулистиков страшно разволновался, на глазах заблестели слезы, водка выплескивалась из рюмки. Лемехову были неприятны капельки пота на утином носу, шевелящиеся уши, запах возбужденного зверька. Но эти физиологические недостатки искупались искренней преданностью, которая находила себе подтверждение в бесчисленных перипетиях каждодневной борьбы.

– Много рисков, Леня, – усмехнулся Лемехов, – много опасностей. Чем выше взлетаем, тем больнее падать. Давай не думать, куда нас Боженька вознесет. Давай Его молить, чтобы Он нас отсюда не сбросил.

– Я тебе говорю, ты идешь в президенты. А насчет опасностей и рисков, положись на меня. Я тебя не предам. Пулю, которая в тебя полетит, на себя возьму. Вместо тебя хоть в тюрьму, хоть под пулю. Ты великий человек. Тебе служить значит Боженьке служить. Люблю тебя! – Двулистиков потянулся было, желая поцеловать Лемехова. Вытягивал губа для поцелуя, но Лемехов отстранился, вынес вперед бокал. Двулистиков поцеловал бокал, а потом залпом выпил свою водку. Отошел, покачиваясь и блаженно улыбаясь.

На Лемехова смотрели васильковые глаза Верхоустина, и Лемехов вдруг подумал, что все это время ему хотелось заглянуть в глубину этих колдовских васильков.

– Я заметил, как вы провожали взглядом скользящую лодку. Казалось, что ваш взгляд сообщает ей движение. Это походило на телекинез. Вы способны перемещать зрачками тысячи тонн. – Лемехов благодушно улыбался, шутил, но сам старался понять, какая сила исходит из этих глаз, синева которых напоминала небо в мартовских березах. – Может быть, вас пригласить для участия в каком-нибудь оборонном проекте? Скоро будем сдавать вторую, подобную лодку. «Казанскую Божью Матерь».

– Поверьте, лодку построят и спустят на воду без меня. Обойдутся. А вот без вас не обойдутся. – Лицо Верхоустина оставалось таким же бледным, и только губы стали розовей от выпитого красного вина. – Вы руководили строительством лодки, а по существу, руководили государством. Тысячи заводов, которыми вы управляли. Лаборатории и научные центры, где вы встречались с интеллектуалами. Армия рабочих и инженеров, которых нужно было готовить и направлять в дело. Города, регионы, железные дороги, порты – вся инфраструктура страны, замкнутая на эту громадную верфь. Идеология оружия, без которой невозможен осмысленный труд. Финансовая политика, без которой невозможно перевооружение. Внешняя политика, исчисляемая количеством лодок и стратегических ракет. Внутренняя политика – непрерывные схватки с пацифистами, либералами-западниками, коррупционерами, врагами модернизации. Управляя строительством лодки, вы управляли Россией. В сущности, вы исполняли президентскую роль.

– Вы заблуждаетесь. Я исполнял поручение президента. Я тот, кто выполняет задание президента.

– В обычных условиях это было бы так. Но сейчас, когда задвигались тектонические платформы, когда вновь приблизилась катастрофа, вы выполняете поручение Государства Российского. Поручение русской истории. Лодка, которую вы спустили на воду, освящена именем «Державной Божьей Матери». Я помню, как вы молились перед этой иконой в храме. Как молились на нее здесь, на верфи.

– Это слишком пафосно. Я чиновник правительства и не мыслю подобными категориями.

– Вам и не нужно ими мыслить. За вас мыслит сама история. Лодки, которые вы строите, – «Державная», «Казанская», «Владимирская», «Тихвинская» – это иконы русской цивилизации. В океанской пучине, во тьме морской, они сберегают Россию. Делают русское оружие святым. Лодки, носящие имена православных икон, и их экипажи – это подводные монастыри, где совершается молитва, сберегающая Россию. Вам Провидение поручило мессианскую работу по спасению Государства Российского.

Верхоустин смотрел ясно и ликующе, как прозорливец, которому было дано откровение. Лемехов изумлялся тому, что он, технократ, виртуозный политик, осторожный прагматик, слушает эти безумные речи. Они находят в нем отклик. В каких-то безымянных, спрятанных от мира глубинах, в которые он сам почти никогда не заглядывал. Которые раскрывались иногда на грани яви и сна, за секунду до того, как ему погрузиться в туманные сновидения. Верхоустин своим магическим взглядом проникал в эти глубины, извлекал из них притаившиеся сновидения, и они наяву казались сладкими бредами.

– Все это поэзия. Пушкина, Лермонтова или Блока, не знаю. – Лемехов, испытав мгновение слабости, избавился от гипнотического волшебства. – Единственное, что мне сейчас нужно, – это удача. Все остальное для выполнения президентского задания у меня есть.

– Вам будет сопутствовать удача, потому что вас выбрало русское время, – произнес Верхоустин. – Вы заложник русского времени. Вам покровительствует «Державная».

– Может быть, вы принесете мне удачу? – усмехнулся Лемехов, уже не принимая слова Верхоустина всерьез, а лишь забавляясь ими. – Я лечу на испытание баллистической ракеты, предназначенной для «Державной». Может, вы своим колдовским взглядом извлечете ракету из моря, проведете по баллистической кривой и опустите на Камчатке? Предшествующие испытания были неудачны, и стоит под вопросом сам проект ракеты. А это трагедия. Лодка без ракеты – не оружие, а обычный батискаф. Помогите взлететь ракете, – насмешливо произнес Лемехов.

– Я постараюсь, – спокойно, не замечая насмешки, ответил Верхоустин.

* * *

Через два дня они стояли на палубе эсминца, который вышел в море, в район полигонных стрельб. На палубе столпились конструкторы и творцы ракеты. Директора головных предприятий, создававших ее основные узлы. Ученые-баллистики и специалисты по твердому топливу. Адмиралы и офицеры флота, в нетерпении ожидавшие новое оружие. Испытатели, установившие на корабле системы слежения и контроля.

Лемехов в штормовке, отороченной волчьим мехом, вдыхал сочный морской воздух, смешанный с запахом солярки. На серой стальной стенке, в помощь сигнальщику, черной краской были начертаны силуэты американских самолетов, контуры эсминцев, фрегатов и крейсеров. Море было серым, в тревожных волнах, на которых внезапно загоралось злое полярное солнце. На горизонте туманились корабли охранения, оцепившие район испытаний. Стрекотал вертолет, облетавший эсминец. В туманах, в лучах, в переливах метались чайки. И где-то в глубине притаилась лодка. В шахте была готова к пуску ракета. Уникальная, сверхскоростная, способная стремительно преодолевать начальный отрезок траектории, уязвимый для противоракетных систем противника. Начиненная кассетой термоядерных зарядов, которые, приближаясь к континенту врага, рассыпались веером. Маневрировали, окружали себя облаком помех. Ускользали от ракет-перехватчиков, накрывая своим гибельным ударом огромные пространства чужой территории.

Ракета шла трудно. Ей сопутствовали неудачи. Пуски кончались авариями. Ракета взрывалась тут же, над морем. Или сходила с траектории и не достигала цели. Или вовсе не выходила из шахты. Гигантские коллективы лихорадило. Панически искали виновных. Премьер-министр грозил отстранить от работы Генерального конструктора или закрыть проект. Президент при встречах с Лемеховым глухим голосом спрашивал, соответствует ли Генеральный конструктор занимаемой должности.

Теперь, на палубе эсминца, Лемехов слушал Генерального конструктора, одетого в грубую брезентовую робу, из которой торчала худая голая шея, какая бывает у общипанной курицы. Его губы были покрыты фиолетовыми пятнами, будто он их искусал. На изможденном лице торчал большой крючковатый нос, напоминавший экзотический клюв. В темных кругах, глубоко утонувшие, тревожно блестели глаза. В них была мука бессонных ночей, тоска в ожидании очередной неудачи и неколебимое упорство творца, верящего в истинность своих изысканий.

– Я знаю, Евгений Константинович, какие разговоры ведутся в правительстве относительно ракеты. Дескать, выбрано ложное решение, тупиковый проект, надо сворачивать работы и передавать тематику другому институту. Но я говорил и говорю, – конструкция ракеты безупречна. Такой не будет ни у них, ни у нас. Это прорывное направление, на которое указывали отцы-основатели. Виновата не конструкция, а технологическое исполнение на заводах.

– Но вы же, Климент Иванович, посещаете заводы-изготовители. Вы не можете указать им на узкие места?

– Узкие места известны. Это исчезновение целых технологий, которых мы лишились за время катастрофического простоя. Это допотопная элементная база, некачественное стекловолокно, отставание в производстве порохов. Тридцать лет нас уничтожали, как вредителей, а теперь в три года хотим построить шедевр. Так не бывает, Евгений Константинович.

– Но ведь отцы-основатели могли. Хотя у них не было под рукой совершенных технологий и безупречного станочного парка. Но они создавали шедевры.

– Тогда, Евгений Константинович, был Сталин, был Берия, была партия и был канун мировой войны. Не сделаем ракету, от страны угольки останутся.

– Теперь то же самое, Климент Иванович.

Генеральный конструктор был из тех, кто молодым инженером прошел великую школу, учителями в которой были грандиозный Королев и непревзойденный Глушко, гениальный Уткин и прозорливец Челомей. Те, кто ставил первые ракеты в лесах и горах, опускал их в шахты и размещал на железнодорожных платформах. Успевал вооружить государство, прежде чем на страну упадут термоядерные бомбы Америки. Эта школа, достигнув расцвета, стала гаснуть с уходом великой плеяды, стала ветшать вместе с дряхлеющим государством. А когда государство пало, школа подверглась разгрому. Победители, покорив страну, рыскали по ней, уничтожая оружие. Закрывали заводы и институты. Лишали финансирования конструкторские бюро и научные центры. Вывозили секреты. Резали недостроенные космические корабли. Переманивали талантливых инженеров, которые трудились теперь в лабораториях Америки, создавая гибельное для России оружие.

– Климент Иванович, вы должны продолжать работу, не слушать сплетни. Вы можете рассчитывать на мою поддержку. Таких специалистов, как вы, у России раз-два и обчелся. Мы должны беречь вас, как драгоценность. Вокруг вас собирается талантливая молодежь. Вы передаете ей великую традицию Королева. Я верю в ракету. Она полетит. Сейчас полетит, потому что мир устроен так, что она должна полететь. – Лемехов пожал конструктору холодную стариковскую руку, и круглые глаза подвижника благодарно замерцали.

Приближалось время пуска. Командир корабля в рубке отдавал приказания, и его слова тонули в тихом рокоте двигателя. Вертолет облетел эсминец и опустился на корму в оранжевый посадочный круг. Люди всматривались в туманную даль, наводили бинокли туда, где должна была, распарывая море, появиться ракета.

Лемехов увидел Верхоустина. Тот в стороне, не смешиваясь с другими, смотрел в море. Его глаза, немигающие, яркие, казались огненно-синими. Его зрачки испускали лучи, которые проникали сквозь воду, находили в пучине притаившуюся лодку. Вычерпывали ее на поверхность. На мгновение Лемехову почудилось, что он видит лодку, висящую в стеклянной воде. Верхоустин устремлял в морскую глубину свою волю, впрыскивал в море потоки энергии. И эти колдовские потоки омывали лодку, проникали сквозь обшивку, окружали экипаж, реактор, ракету незримым свечением.

По громкой корабельной связи начался обратный отсчет:

– Десять, девять, восемь, – будто звонкий молоток бил в корабельное железо.

Лемехов видел, как замерли люди, как лицо Генерального конструктора обрело молитвенное выражение, словно он видел парящую над морем икону.

– Семь, шесть, пять…

Лемехов чувствовал, как все его жизненные силы и помыслы сосредоточились на далеких морских туманах с проблеском чаек. Там должна была появиться ракета. Он верил в счастливый пуск. Переносил в ракету свои страстные упования, честолюбивые устремления, суеверные ожидания. Отождествлял с ракетой, с ее громадной мощью и совершенной конструкцией свою судьбу. Сопрягал с ее траекторией свой жизненный путь, стремление к туманной, неясной, но пленительной цели.

– Четыре, три, два…

Верхоустин был страшно бледен. Вцепился в поручень палубы. Лемехову казалось, у глаз его полыхает синий факел. Генеральный конструктор был похож на птицу, готовую взмыть в небеса или рухнуть, попав под выстрел.

– Один…

«Державная», помоги!» – успел подумать Лемехов, прижимая к глазам бинокль.

На море, на серых водах, забелело пятно. Расширилось, заблестело, как всплывающая медуза. Взбухло, словно шапка гриба. В кипятке, в раскаленных пузырях, протыкая море, стала подниматься стеклянная колокольня. Сбрасывала пышные клубы, лизала море огненным языком. Держалась мгновение, рассылая лучи и грозные рокоты. Прянула ввысь, пробивая в тучах

полынью. Ушла, унося с собой огненный хвост, который превращался в огромный перламутровый цветок, в кольца трепещущих радуг. Гул умолкал, утекал тихим звоном вслед за ракетой. Полынья в облаках смыкалась, и только на море оставалось ослепительное пятно.

Все молчали, нервно смотрели на часы, пока, по истечении времени, металлический голос не произнес:

– Ракета вышла на расчетную траекторию.

Все восхищенно ахнули. Кинулись поздравлять Генерального, обнимались, били по рукам, словно купцы, заключившие сделку. И вдруг все обернулись к Лемехову. Бросились к нему, подхватили. Стали подбрасывать. Он хохотал, взлетая, видя поручни палубы, плещущее море. Падал на подставленные упругие руки.

– С победой, Климент Иванович. – Лемехов подошел к Генеральному конструктору.

Тот молча кивал, улыбался. Глаза его были в слезах.

Все спускались с мостика, торопились в кают-компанию, где уже разливали шампанское. Лемехов задержался на палубе. Вдалеке на море трепетало серебряное пятно, словно мерцающий божественный образ. Лемехов наводил бинокль, ожидая увидеть отраженный на водах лик Богородицы. И там, в серебре, черной горой всплывала лодка. В бинокль были видны ее зализанные борта и горбатая угрюмая рубка.

Глава 6

Теперь, когда оборонная программа завершилась, спуск на воду стратегической лодки и ракетные стрельбы состоялись, Лемехов собирался отдаться своей давней страстной утехе – охоте. В архангельских чащобах поджидали его егеря, и у них для Лемехова был приготовлен медведь. На таежных пустошах, где когда-то находились деревни, был посеян овес – любимое медвежье лакомство. Построена вышка. Егеря на опушке закопали тушу кабанчика, приманивая зверя. И на эти примаки медведь выходил из тайги, кормился на овсах, привыкал к деревянной вышке. Лемехова ждал вертолет, чтобы унести в таежную глушь.

Он простился с участниками испытаний. В холле гостиницы допивал чашечку кофе Верхоустин, уже готовый подхватить дорожный баул и отправиться в аэропорт.

– Я вам очень благодарен за помощь, Игорь Петрович, – пожал ему руку Лемехов.

– Велика ли была моя помощь? – улыбнулся Верхоустин, и улыбка его была наивной и милой, по-детски застенчивой.

– Ну как же, если бы не вы, ракета не взлетела. Все так считают. Испытатели – народ суеверный. Вначале они спрашивали о вас: «Кто этот чужак? От него ждать беды». А я им объяснял: «Это, говорю, колдун, который обеспечивает удачные пуски». Теперь они просят, чтобы вы присутствовали при каждом пуске.

– Я готов, – улыбнулся Верхоустин.

Лемехов испытывал к этому синеглазому человеку неясное влечение. От него исходили таинственные волны, которые тревожили Лемехова. Куда-то манили, что-то сулили, намекали на какое-то особое знание, которое Лемехову, политику и технократу, было неведомо. И это знание открывало путь в другую реальность. В ней содержались ответы на вопросы, не находившие объяснений в мире политики, науки и техники.

– А что, если я вас сейчас заберу с собой? – неожиданно для себя произнес Лемехов.

– Куда же это?

– На медвежью охоту. Вы никогда не были на медвежьей охоте?

– Признаться, нет. У меня была другая страсть. Я ловил в Африке бабочек. Но сейчас у меня нет сачка для медведя.

– Вам не понадобится сачок. И карабин не понадобится. Вы просто будете рядом и принесете удачу. Я убью медведя.

– Убежден, вы его убьете. Медведь – ваш тотемный зверь. В вас много от этого сильного, осторожного, умного исполина. Вы убьете тотемного зверя, и, как считают шаманы, от него к вам перейдет сила, мужество, промыслительный дар.

– Вы, Игорь Петрович, шаман. Вы своим колдовством приведете зверя на овсяное поле, к вышке, под мой выстрел.

– Я попробую, – скромно ответил Верхоустин.

– Тогда за мной. – Лемехов подхватил баул Верхоустина и пошел к машине, которая помчала их на вертолетную площадку.

Вертолет пролетал над красными и золотыми лесами, над темной еловой тайгой, среди которой пламенели драгоценные оклады, ожерелья, таинственные, золотом писанные узоры. Озера были в солнечной ряби, из которой вдруг поднимались испуганные белые лебеди. Реки, студено-голубые, возникали в лесах, и было видно, как несутся темными стрелками утки, вздымая на воде буруны.

Вертолет снизился над черной, с большими избами деревней, миновал ее и опустился на сырой опушке, где стоял одинокий охотничий дом. Лемехов, Верхоустин и два неотступных охранника нырнули под винты, прихватив баулы и чехол с карабином. Оглянулись на удалявшийся вертолет и пошли к дому, где их встречал егерь. Он был в засаленной фуражке, неряш-

ливом камуфляже, ловкий, верткий, с коричневым, древесного цвета лицом. Пожимал гостям руки своей твердой пятерней, истертой о топорища и охотничьи ножи, ружейные приклады и звериные шкуры.

– Хорошо, говорю, прилетели, в срок. Медведь ждать не любит, уйдет в тайгу. На него знашь сколько желающих? Генерал прилетал. Говорит: «Дай медведя». А я ему: «Нельзя. Медведь Евгения Константиныча». Улетел без крика. Не стал шуметь. Свое место знат.

Егеря звали Макарыч. Вокруг него вились две лайки с круглыми, как крендели, хвостами. Он ввел гостей в дом. Было чисто. В бревенчатых стенах торчал мох. В потолке, вокруг суков, блестела смола. Печь была белой, с черным закопченным зевом, и от нее пахло сладко, как в церкви.

Деревянный стол без скатерти был уставлен едой. Большое блюдо с ломтями темного мяса. «Лося трети дни завалили». Блюдо с печеной тетеркой, чья костлявая шея не помещалась на блюде, и в раскрытом клюве торчала красная брусничная веточка. «Их нонче столько, что сами к крыльцу бегут, в печь просятся». Миски с клюквой, черникой, морошкой. Грибы отварные, соленые. «Косой коси, наутро опять встают». Блестели бутылки с настойками, и в одной на дне розовели выцветшие ягоды, в другой утонул белесый корень.

– Что Бог послал, Константиныч. – Егерь двигал к столу лавки. Низкое солнце положило на бревна два янтарных мазка.

Ели с удовольствием дичь, пили пьяную настойку. Макарыч накидал в печь поленьев, и жаркое пламя лизало свод, дрова трещали, сыпали угли, дышали жаром. Под потолком висела деревянная птица с распушенными веером крыльями из тонких расщепленных пластин. Теплый воздух долетал до птицы, и она кружилась на бечевке, поводила пышными крыльями.

– Этот медведь, Константиныч, больно хитер. – Егерь запьянел. – От выстрела уходит, Константиныч. Он в етем деле дохтур. Он на овес придет, на жопу сядет и лапами овес к себе загребат, сосет. А сам глазами туды-сюды, туды-сюды. Чуть не по его, драпать. Он семилетка, переросток, молодых медведев обижает, к медведицам не пущат. Пора его бить, Константиныч, молодежи путь открывать. А то непорядок.

Лемехов сладко опьянел от вкусной настойки. В тетеревином мясе ему попалась дробинка, и он выложил ее на стол. После грозного железа, ревущего огня, свистящих скоростей славно было оказаться в деревянной избе, среди теплых ароматов, потрескивающих дров, под таинственной птицей, распустившей хрупкие крылья.

– Ты, Константиныч, бей наверняка. Лучше промахнуться, чем зацепить. Раненого отпустишь, он тебе мстить будет. Медведь зло помнит и обидчика не отпускает. У нас в деревне Василий Егорович жил, так себе охотник. Кабана, лося достанет, а чтобы медведя, то нет. Раз на него медведь вышел, и Василий Егорович его картечью цапнул. Не убил, а ранил, и медведь от него в тайгу убег. Отлежался, всяки травы, ягоды ел. Встал на ноги и начал Василию Егоровичу мстить. Пришел в деревню и забор его повалил. Потом корову его на лугу задрал. Потом бабу его украл. Баба его в тайгу по грибы пошла – и пропала, ни платка, ни корзины. Василий Егорович чует, что медведь к нему самому подбирается, собрал вещички, да в Архангельск утек. Так медведь его и там достал. Раз пришли к Василию Егоровичу на квартиру, а он задранный лежит, и следы от когтей. Во как!

– Люди произошли от медведей, и медведи девушек воровали и брали в жены, – задумчиво произнес Верхоустин, не отрывая глаз от летающего в печи пламени.

– Вот и я говорю, – поддержал его егерь, угадав в нем единомышленника, причастного к тайнам.

Они еще сидели, пока не стемнело. Егерь запалил керосиновую лампу и стал собираться.

– Пошел в деревню к бабе. А вы ночуйте. Мы, Константиныч, после обеда с тобой пойдем. Сперва на вездеходе тебя доставлю, а там как хошь, – с тобой пойду до Белой пади, или ты сам до овсов добирайся. Там вышку найдешь. – И ушел, стукнув дверью.

Охранники тоже ушли спать на другую половину дома, а Лемехов с Верхоустиным остались в темной горнице среди танцующих отсветов и теней.

– Эта деревянная птица – голубь, образ Духа Святаго. – Верхоустин кивнул на потолок, под которым качалась, плавно крутилась на нитке загадочная птица. – В северных деревнях, населенных старообрядцами, таких голубок вешали над люльками новорожденных, и на них сходил Святой Дух. Над вами, Евгений Константинович, дышит Дух Святой.

– Откуда вы знаете про северные деревни? – Лемехов завороженно следил за волшебным парением птицы, распушившей на потолке пернатые тени.

– В молодости я путешествовал по Русскому Северу, собирал старинные песни. Было время, когда я знал сто песен, которые не сыщешь ни в одном фольклорном сборнике. Я привозил эти песни в Москву. Мы их разучивали с друзьями и пели хором.

– Вы пели в хоре?

– Кто никогда не пел в хоре, тот лишил себя неповторимых переживаний. Северные песни долгие, монотонные. Когда их поешь, входишь в транс, а потом вдруг наступает катарсис, ты испытываешь несравнимое наслаждение, неземное блаженство, словно полетел к солнцу и оказался в райских садах.

– Вы знаток Пушкина и русских песен. А также знаток ракетных двигателей, разгоняющих ракету до гиперзвука.

– Русские песни, как и Пушкин, открывают в человеке забытые коды. Соединяют дух с источниками неисчерпаемой энергии. Делают народ-карлик народом-великаном. Подводные лодки, баллистические ракеты и русские песни делают народ непобедимым.

– А вы бы не могли спеть какую-нибудь северную песню? – попросил Лемехов, зачарованный летящими по избе волнами тепла и света, колыханием пернатой тени, колдовским взглядом Верхоустина. Казалось, это он зрачками тихо раскачивает деревянную птицу.

Верхоустин отвел взгляд от птицы. Устремил его сквозь бревенчатые стены в сырую ночь, где, невидимые, стояли золотые леса. Лицо его побледнело, словно отпрянула кровь. Тонкий нос болезненно заострился, как у смертельно больного. Глаза остановились и замерли. Наполнились мерцающим светом и стали похожи на два голубых прозрачных кристалла. Он приоткрыл рот и стал вдыхать воздух, будто собирался сделать последний вздох. Брови болезненно приподнялись, и он издал звук, похожий на стон, на скрип сухого лесного дерева, на трескучее карканье одинокого ворона.

Лемехов испугался этого нечеловеческого, тоскливого звука. Оцепенел, словно его лишили воли.

И где кони?
И где кони?
Они в лес ушли.
Они в лес ушли.

Звук исходил не из груди человека, а из глухого дупла, в котором гнездились два неведомых существа. Одно уныло вопрошало, а другое печально и отрешенно отвечало. Одно мучило другого вопросами, а то отвечало покорно и обреченно.

И где тот лес?
И где тот лес?
Черви выточили.
Черви выточили.

Голос внезапно окреп, словно в сухое русло хлынули воды. Казалось, число поющих умножилось. Пел таинственный хор лесных колдунов. Топтались по можжевеловым кочкам, перебрасывали друг другу деревянную чурку. И от этого волхвования кружилась голова, таяли очертания избы. Лемехов вдруг увидел свою детскую книжку с яркой картинкой Билибина. Витязь в кольчуге и шлеме, ворон на камне, далекая над лесом заря. Побежали видения, одно за другим, словно их извлекали из запечатанной памяти и разбрасывали, как драгоценные карты. Это бабушка с седой головой раскладывала пасьянс, кладя на скатерть нарядных дам и валетов. Мама, молодая и гибкая, вешала над столом разноцветный светильник, а за окном на водосточной трубе гроздь голубых сосулек расцвела, как ледяное соцветие. Цветные пылинки в луче горячего солнца, он ведет своей детской рукой по узорам ковра и изумляется видом своих розовых пальцев и маленьких нежных ногтей.

Колдовская песня кружила голову, печально и сладко томила, и он улыбался, окруженный роем разноцветных пылинок.

И где черви?
И где черви?
Они в гору ушли.
Они в гору ушли.

Голос Верхоустина становился свежим и сочным. В нем гудела жаркая сила. Так огонь выталкивает из дымохода сырой воздух и ровно поет в трубе. Голубые кристаллы глаз испускали лучи, которые обнимали Лемехова, подхватывали, лишали телесности, куда-то влекли. Перед ним возникали образы прошлой жизни, которые он, казалось, забыл, но они возвращались отчетливо, драгоценно, словно иконы в окладах, складывались в волшебный иконостас. И он шептал перед ним бессловесные молитвы.

Деревенская девушка в ситцевом платье провожает его до околицы, дарит на прощание цветок розовой мальвы, чтобы больше никогда им не встретиться. Молодое лицо отца склонилось над детской кроватью, и он ликует в своем утреннем пробуждении, так благодарен отцу, так любит его родное лицо.

Лемехов слушал горловые, то глухие, то трубные звуки, роковые вопросы и вещие на них ответы, и ему казалось, что его подхватили огромные качели и переносят из одного мироздания в другое, и сердце замирало от счастья.

И где гора?
И где гора?
Быки выкопали.
Быки выкопали.

Ему казалось, что колдовские глаза Верхоустина рисуют огромный круг, в котором раскинул руки он, Лемехов. Синеглазый чародей закручивает время в упругую спираль, совмещая его краткосрочную жизнь с бесконечным бытием. Его судьба исчислена и расчерчена небесным чертежником, помещена в круг всеведущим геометром, который выбрал его мерой всех вещей, поставил в центр Вселенной и вращает вокруг него громадную карусель мироздания. Его судьба на учете. Она важна, ею ведают высшие силы. Его ожидает впереди великое свершение, и где-то на спирали времен отмечено мировое событие, связанное с его именем.

И где быки?
И где быки?
Они в воду ушли.

Они в воду ушли.

Верхоустин то прикрывал глаза, так что под веками что-то слабо мерцало. То распахивал их во всю яркую ширь, и тогда лицо его превращалось в лик, озаренный лазурью. Он вращал головой, на шее вздувалась дрожащая жила, и казалось, что он месит густое варево, состоящее из колдовских слов, варит зелье из тягучих звуков, жгучих огненных капель.

Лемехов почувствовал, как тяжело в груди, набежала муть, стало тоскливо. Спираль, на которой была записана его судьба, оборвалась и померкла. Райское блаженство, волшебное чудо казались недостижимыми. Клубящийся ком тьмы окутал его. Из этой тьмы стали падать, подобно камням, воспоминания, о которых он старался забыть. Но звуки угрюмой песни вырывали их из мглы, и они падали, как раскаленные метеориты.

Собака, которую он купил, мечтая иметь рядом преданное добродушное существо. Он застрелил ее в приступе слепой ярости, когда она загрызла деревенского индюка. И теперь видел ее, милую, веселую, со смеющимися глазами, за секунду перед тем, как спустил курок. Жена, беременная, стояла у крыльца рядом с цветущими флоксами. Он уговаривал ее отказаться от ребенка, который будет мешать их молодой, неустроенной жизни. Жена согласилась, бессильно побрела от крыльца и плакала одна в беседке.

Эти воспоминания вычерпывались из памяти, их подхватывал колдовской напев. Зелье, которое подносили к его губам, горчило и жгло.

И где вода?
И где вода?
Гуси выпили.
Гуси выпили.

Как тучи, толпились кошмары. Мерещились грядущие войны, горящие здания, окровавленный асфальт площадей. Пулеметы гнали толпу, били из окон снайперы. Государство качалось и корчилось. Сражались ватаги и банды, самозванцы стремились в Кремль. Пронзенные торпедами, тонули подводные лодки, выплескивая из реакторов огненный яд. Лучи дальнобойных лазеров сбивали ракеты, жалили в небесах самолеты, жгли и плавили танки. Взрывались плотины и дамбы, и ревущий поток сметал города и селенья.

Песня гудела, как звук поднебесной трубы. Синеглазый пророк возвещал скончание мира, и в синих кристаллах переливалась прозрачная смерть.

И где гуси?
И где гуси?
Во тростник ушли.
Во тростник ушли.

Песня была похожа на ворожбу дурного шамана, на заговор злого кудесника. Водила по кругу, морочила, не выпускала из лабиринта. Душа беспомощно старалась спастись, вырваться из плена, заслониться от смертоносных голубых излучений. Хотела умчаться туда, где мама раскладывала на столе привезенные из Суханова акварели, и он любовался золотой березой, отраженной в темном пруду, белоснежной беседкой с кустами пунцовых роз. Туда, где старый московский двор с тополями и кленами и они с соседским мальчишкой зарывают в углу двора драгоценный клад – осколки цветной расколотой чашки. Девочка в красных туфельках прыгает через скакалку, ее косы танцуют, а в нем такая внезапная нежность к ее красным туфелькам, к белым танцующим бантам…

Лемехов стремился туда, где было спасение от грядущих напастей и бед. Но упорная сила возвращала его обратно, захватывала в колдовскую спираль, водила по кругам, и он плутал в лабиринте среди синих кристаллических вспышек.

И где тростник?
И где тростник?
Девки выломали.
Девки выломали.

Он пребывал в дурной бесконечности. Был деревянной чуркой, которой перебрасывались два лесных колдуна. Один колдун задавал дурные вопросы, а второй находил ответ, предполагавший новый дурной вопрос. Эти вопросы и ответы сводили с ума, заставляя рассудок двигаться по порочному кругу, рождали безумие. Не было такого ответа, который остановил бы это изнурительное круженье. Стал бы ответом на все мучительные вопросы бытия. Этот ответ находился вне лабиринта, вне колдовской спирали. Лемехов силился вырваться из порочного круга, чтобы отыскать желанный ответ. Но властная сила вновь помещала его на заколдованное колесо с синими спицами, и это походило на бред.

И где девки?
И где девки?
Они замуж пошли.
Они замуж пошли.

Он сражался с безумием. Старался сокрушить циклотрон, по которому мчался вместе с гибельными лучами. Вырывался из ревущей трубы, в которую его засосало и носило по гигантским кругам. Он был частицей, попавшей в космический вихрь. Вселенная, по которой он мчался, состояла из двух половин, в одной из которых содержались бесчисленные, не имевшие смысла вопросы, а в другой – бесчисленные ответы, лишь умножавшие неведение. Вселенская тайна оставалась нераскрытой, мировая загадка – неотгаданной. Он носился, достигая краев Вселенной, и на этих краях, по обеим сторонам стояли два чудовищных великана, кидали один другому его изнуренный разум.

И где мужья?
И где мужья?
Они померли.
Они померли.

Он вдруг нашел в лабиринте малое ответвление, едва заметный ход, который уводил из заколдованной спирали, сулил избавление. Он дождался, когда в песне прозвучал и оборвался очередной вопрос и еще не прозвучит ответа. Нырнул в этот ускользающе-малый проем между звуками. Услышал, как у него за спиной проревел вихрь и, не находя его, умчался по жуткой трубе.

Он втискивался в спасительный ход, ввинчивался в него плечами и бедрами. Застревал, закупоривал его своим телом. Ужасался тому, что так и останется в нем навсегда.

И где гробы?
И где гробы?
Они погнили.
Они погнили.

И этот последний ответ был чудесным и долгожданным. Прерывал мучительное кружение, разрывал порочный круг бытия. Лемехов вырвался на свободу, в ослепительный свет, в божественную лазурь. Испытал блаженство, словно кончилось изнурительное время, растворилось пространство, и он все объял, все любил и славил.

Это продолжалось мгновение. Ночная изба. Догорают в печи поленья. Умолкнувший певец, и в синих его глазах лучистые слезы.

Они сидели молча, словно хотели привыкнуть к новой, возникшей между ними близости.

– Я хотел вам сказать, – тихо произнес Верхоустин.

Лемехов слышал, как звенят в печи угольки.

– Мне важно, чтобы вы меня услыхали.

Деревянная голубка раскачивала свою пернатую тень.

– Слушаю вас, – сказал Лемехов.

– Вы станете президентом России.

Пернатая тень скользила по потолку. На столе в стеклянной бутылке блестела зеленая искра. Тетерка на блюде уронила мертвую голову, и в раскрытом клюве краснела ветка брусники.

– Что вы сказали?

– Вы станете президентом России.

– Мне странно это слышать. Вы уподобляетесь пророчицам и гадалкам. Но я не заказывал вам гороскоп и не просил погадать по руке. – Лемехов шевельнул плечами, сбрасывая сладкое наваждение, рожденное песней. Был ироничен, с досадой смотрел на Верхоустина, который разрушил таинственный мир.

– Вы должны утвердиться в мысли, что станете президентом России. Уверовать в это и делать все, чтобы приблизить этот момент.

– С какой стати? – раздраженно сказал Лемехов. – У России есть президент Юрий Ильич Лабазов.

– Это лишь видимость. Он еще значится президентом, но он тень. Из этой тени на свет выступает другой человек. Это вы, Евгений Константинович Лемехов.

– Вы серьезно? Вы вторите бессмысленным писакам, которые ищут преемника тому, кто и не думает уходить. Кто твердо и энергично управляет Россией.

– Об этом говорят не писаки. Об этом говорят аналитики в политологических и разведывательных центрах. Об этом возопил юродивый на церковном дворе. Он указал на вас.

– Это был сумасшедший кликуша. На папертях таких кликуш хоть отбавляй.

– Кликуши – это вещие птицы русской истории. В их клекоте можно угадать имена будущих царей и правителей, время падения царств. Они угадывают в благородном муже будущего убийцу, а в развратнике и распутнике – будущего святого.

– Вы живете в области мифов и хотите, чтобы другие верили вашим мифам. Перестаньте говорить ерунду.

– Математический институт Академии наук по моей просьбе произвел моделирование политического процесса в России с целью выявить будущего президента. Исследовались общественное мнение, интересы элит, конфликтные потенциалы, динамика карьерного роста, уровень поддержки тех или иных фигур в среде военных, спецслужб, церкви, научной интеллигенции, гуманитарных кругов. Все линии сошлись на вас. Сверхмощный компьютер и кликуша выдали одно и то же.

Лемехову казалось, на лбу его дрожит красная точка. Он чувствовал прикосновение луча, за которым последует выстрел. Погасит малиновый зев печи, тень деревянной голубицы, лицо Верхоустина. Что-то грозное и смертельно опасное приблизилось и стояло за темными стеклами, откуда протянулся к его лбу невидимый луч.

– А что будет с действующим президентом? – спросил Лемехов и испугался вопроса, как если бы уже согласился с Верхоустиным.

– Лабазов завершился. Время его истекло. Господь от него отвернулся.

– С чего вы взяли? Наоборот, его время настало. Он долго медлил и, наконец, приступил к долгожданным преобразованиям. Я – один из его соратников, кто совершает эти преобразования.

– Он не успеет совершить преобразования. Он болен. Дни его сочтены. У него поражен спинной мозг. Болезнь по лимфатическим протокам распространяется на весь организм. Существует рентгеновский снимок его позвоночника, на котором видны метастазы. Этот снимок находится в руках американских спецслужб, и в любой момент он будет обнародован.

Лемехов испытал мучительное смятение. Слухи о болезни Лабазова вяло блуждали в коридорах власти. Но каждый раз опровергались. То он ловит рыбу на стремительной горной реке, демонстрируя голый торс с литыми мускулами. То носится на дельтаплане подобно поднебесной птице. То ныряет в морские глубины и плавает там, как Ихтиандр. Слухи затихали, но через некоторое время вновь начинали тлеть, как угольки непогашенного костра.

Лемехов вспомнил свой недавний визит к президенту, гримасы боли на его лице, и то, как он схватился за край стола, делая резкий шаг. Тоскующий взгляд его глаз и серость лица, которая проступала сквозь розоватый грим. Слова Верхоустина, его спокойный непререкаемый тон казались правдоподобными.

– Мы все болеем. У всех бывает недомогание.

– Это не просто недомогание. Он стал неугоден Господу. Он обманул ожидания Господа. Ему дали в управление громадную, с небесной судьбой, страну. Дали даром. Он не бился за власть, не сражался за нее на поле боя, не приносил себя в жертву. Господь подарил ему Россию, ожидая, что он восстановит великое государство. Вернет народу мессианские смыслы. Соединит разорванные времена и пространства. Совершит чудо преображения. Но он оказался недостоин этого дара. Он промотал свое время, разбазарил его на пустяки. На забавы, на мелкие склоки, никчемные развлечения. Он использовал власть для утоления своего честолюбия и не стал создателем Большого проекта, вместилищем Русской мечты. И Господь от него отвернулся. Волшебный фонарь с драгоценными стеклами поднесли к нему, но он повесил этот фонарь в своей спальне, где забавлялся с балеринами. Фонарь от него убрали. Теперь он живет в темноте. Он больше не нужен Господу, не нужен России. И Господь выбирает другого.

Лемехов пугался Верхоустина. Тот синими лучами проникал в потаенные глубины его сознания. Там таились запретные мысли, искусительные мечты, честолюбивые ожидания. Он тайно ощущал свою избранность, ждал мгновения, когда его окликнет громогласный голос, сверкающий перст укажет путь. Он не пускал эти мысли наружу, запечатывал, замуровывал, подозревая в них разрушительную страшную силу, способную его уничтожить. Но теперь голубой скальпель вскрывал покровы, срезал запрещающие печати, и тайные мысли всплывали.

– Я не хочу вас слушать. Ваши фантазии опасны и рассчитаны на слабоумных. Вы, случайно, не глава тоталитарной секты, который улавливает в свою общину психически обездоленных?

– Вы не должны пропустить свое время. Оно приблизилось к вам, остановилось и готово войти в вас. К вам поднесли волшебный фонарь. Не вешайте его на фонарный столб. Не украшайте им гостиную на своей вилле. Внесите его в свою душу, наполнитесь божественным светом. Почувствуйте себя избранником Божьим, который спасет Россию от великих бед, поведет ее к великому возрождению.

– Вы сплетаете из своих слов ловчую сеть и пытаетесь меня заманить!

– Чудо случится в России, если есть для чуда причал. Чудо причалит к русскому берегу, если есть пристань. Если есть великий муж, берущий на себя бремя истории. Иначе чудо помаячит и удалится, оставив по себе гаснущий след.

Охотничья изба, окруженная дебрями. Полено в печи рассыпалось на красные угли. Деревянный голубь, образ Святого Духа, парит под коричневой матицей. В словах Верхоустина что-то древнее, дремучее, из старообрядческих книг, от бродячих предсказателей и кликуш, от вещих мудрецов и келейных старцев. Этому нельзя доверять, а только вслушиваться, любоваться, как сказочными картинками Билибина, как пушкинским Золотым петушком. Лемехов отгораживался от завораживающих слов, воспринимал Верхоустина как фольклорного сказочника.

– Вы должны принять решение. Это не терпит промедления. По России будет нанесен удар сокрушающей силы. Не ракетами, не самолетами, не подводными лодками. Это новое оружие, которое разжижает хребет государства. Подтачивает все идеалы. Оскверняет все ценности. Умаляет все достижения. Ссорит элиты. Возмущает народ. Выбивает лидера, как выкалывают из свода замковый камень, и свод осыпается, погребает под собой страну и народ. По Лабазову нанесут уничтожающий удар. Опубликуют роковой рентгеновский снимок. Соберут консилиум медицинских светил. Обнаружат врожденную патологию, которая привела к извращениям, преступлениям, низменным страстям, больному стяжательству. Объявят его опасным для мира, непредсказуемым маньяком, князем Тьмы. Подвергнут его психическим атакам, используя всю мощь информационных технологий, экстрасенсорных ударов, клевету, слухи. Родятся книги о президенте-маньяке. Комиксы о президенте-садисте. Рок-оперы о президенте-придурке. Лабазов не выдержит удара. Или умрет, или сбежит из Кремля. И тогда начнется ужасное.

Борьба кланов за власть. Резня на Кавказе. Восстания народа. Неуправляемый хаос, который приведет к падению Государства Российского, теперь уже навсегда. Потому что обломки страны растащат Китай, Турция, Европа, Америка. И там, где была тысячелетняя Россия, останется кратер от падения метеорита-гиганта.

– Так не будет, – слабо прошептал Лемехов. – Такое невозможно.

– Вы должны подхватить замковый камень и не дать своду рухнуть. Вы – тот новый замковый камень, который будет вставлен взамен прежнего. Ваша миссия – спасти Государство Российское. Для этого вас сотворил Господь. Дал вам жизнь и дыхание. Вы должны стать президентом России.

Лемехов вдруг почувствовал пьянящую сладость, восхитительное озарение. Его тайные предчувствия сбывались. Сокровенные мечты вырвались к свету. Он – избранник. На нем – перст Божий. Он – замковый камень русской истории. И это говорит ему не синеокий пророк, а внутренний голос, подобный голосистой трубе, которая трубит его час.

– Но как я стану президентом России?

Лемехов испытывал сладость от искусительной мысли. Понимал, что сама эта искусительная мысль – есть предательство Лабазова, который наградил его доверием, приблизил к себе, вручил судьбу страны. И теперь, используя эту близость, Лемехов совершает предательство, чудовищное вероломство. Вступает в заговор против своего благодетеля.

– Вас безоговорочно поддержат оружейники и промышленники, – продолжал Верхоустин. – Вас поддержат армия и спецслужбы. Вас поддержит церковь. Вам поверит интеллигенция. Мы создадим партию. Весь мой опыт социального конструктора, системного аналитика, специалиста по гуманитарным технологиям я отдам вам. Мы построим партию нового типа. Партию Большого проекта. Партию Русской Победы.

– В чем Русская Победа? – прошептал Лемехов, чувствуя, что колеблется у зыбкой оси, которая пронизывала мироздание. Слабый удар пылинки, робкое дуновение ветерка – и он ринется безоглядно в свое предначертанное будущее, где ждет его великое свершение или постыдная гибель.

– Нет, не хочу. – Он одолел наваждение. – Все бред. Пора спать. Вам постелили за стенкой.

Они разошлись по разным половинам избы. Лемехов накрылся тяжелым стеганым одеялом и быстро уснул. И сон его был тревожным и тягостным. Ему снилась ночная дорога, и он идет по ней, накинув на плечи одеяло. Рядом другие люди идут, накинув одеяла. Их лица неразличимы. Они подходят к горе и идут вверх на гору, за которой синеет заря. На вершине горы из камней выложена спираль. Люди входят в эту спираль и идут, совершая кружение, приближаясь к центру, где исчезают. И в этой спирали, в этих кругах, из таинственной бездны доносится: «И где кони? И где кони?» Заря над горой как синяя слива.

Глава 7

Наутро они почти не общались. Верхоустин оставил избу, и Лемехов видел, как тот бродит по сырому лугу, нагибается, что-то рассматривает. Быть может, последние предзимние цветы. Под хмурым небом леса казались темно-золотыми слитками, и это золото вливалось в глаза, делая их тяжелыми и недвижными.

Пообедали, обмениваясь пустяками, будто не было ночного разговора. На замызганном внедорожнике прикатил егерь Макарыч. Проворный, деловитый, положил на лавку защитного цвета куртку и брюки, поставил резиновые сапоги.

– Надевай, Константиныч, форму. Я ее рябиновыми веточками перекладывал. Медведь нюхастый, человека учуял и убег. Давай-ка мне карабин.

Лемехов достал из чехла свой немецкий пятизарядный карабин – медового цвета ложе, голубоватый, с вороньим отливом ствол. Протянул Макарычу. Тот расстегнул ворот, извлек нательный крестик, приложил к стволу, к патроннику, к ложу:

– Господи Иисусе, посули зверю сладкий овес, пьяный мед, ягоду-чернику. Чтобы рабу Божьему Евгению не потеть, не храпеть, не дрожать, не бежать. Пуля первая, она же последняя. Ружье заговорено, отмолено. А мы Тебе, Боже, свечку поставим.

Макарыч поцеловал карабин, как целуют икону, вернул Лемехову.

– Теперь слушай, Константиныч. Я тебя до леса подброшу и по лесу, пока дорога терпит. Как промоины пойдут, ты выходи и ступай пешком километра три. Колея путь укажет. Дойдешь до луговины, где овсы, и увидишь вышку. Садись и жди. Сегодня медведь придет, чую. Ты его бей, а если утекет, за ним не бежи. Он, раненный, тебя сторожить станет и сгребет. Я утром с собакой приду, и, если что, мы его по следу возьмем. Ну, давай собирайся.

Лемехов облачился в пятнистую форму, натянул сапоги. Распихал по карманам фонарь, тепловизор, прибор ночного видения, нож, индивидуальный пакет, непромокаемые спички, коробку с патронами. Пристроил за спиной свернутый теплый коврик. Взял на плечо карабин. Верхоустин наблюдал за его приготовлениями. Проводил вещим взглядом васильковых глаз.

Внедорожник пересек луговину, въехал в лес, выдавливая жижу из промоин, углубился в сырую чащу, в тусклое золото. Некоторое время колыхался, объезжая упавшие деревья, буксуя в ямах. Остановился у рытвины, полной черной воды, на которой застыли желтые и красные листья.

– Стоп машина, – сказал Макарыч. – Танку делать неча. Только пехота. Ступай, Константиныч, а я тебя завтра найду. – И уехал, оставив Лемехова у черной, осыпанной золотом лужи.

Слыша, как стихает вдали мотор, Лемехов вдохнул полной грудью холодный воздух с запахами хвои, горькой листвы, мокрых грибниц. Из неба брызнула на лицо горсть дождя, и он зашагал.

Шел сквозь лес сильной легкой походкой. Куртка была удобна, сапоги по ноге, ремень карабина плотно давил плечо. Лес обступил его своей чуткой тишиной, смотрел тысячью глаз, пускал в свою глубину, молча, таинственно следил за ним. Лес был необъятный, живой. В глубине этой золотой листвы, тяжелых елей, седых лишайников и зеленых мхов таился медведь. Был обладателем этого леса, его божеством и стражем. Лемехов явился, чтобы отобрать медведя у леса, вонзить в него одну из пуль, дремлющих в стальном карабине. Он чувствовал присутствие зверя среди запахов, проблесков неба, на черной, поросшей травой колее. Любил этого зверя, благоговел перед ним, стремился увидеть и просверлить пулей его звериное сердце.

Лес наблюдал за ним, передавал весть о нем от дерева к дереву, от одной мшистой кочки к другой. Лемехов был окружен бесчисленными глазами. Маленький придорожный цветок, успевший перед холодами раскрыть свои розовые лепестки. Ягода черники, пьяная на вкус,

оставившая на пальцах каплю винного сока. Старая паутина на еловой ветке с застрявшим в ней птичьим пером. Красный, с волнистыми краями, лист осины с зеркальцем воды, отразившей небо. Он чувствовал лес, как дышащий мир, среди которого, наполняя его тайной, жил медведь.

Лемехов забывал грохочущий железный мир, из которого явился в заповедный лес, становился обитателем леса. И когда из-под ног взлетел рябчик, унесся, посвистывая и хрустя крыльями, Лемехов испугался и радовался своему испугу, благодарил рябчика за этот восхитительный испуг.

Лес кончился, и он оказался на пустоши, где, должно быть, прежде находилась деревня, одна из тех многочисленных, что исчезли на оскудевшем Севере. Избы пропали, пустошь зарастала кустами и была засеяна овсом. Ухищрение егерей, которые на овес выманивали кабанов и медведей. Овес отяжелел от дождей и полег, в нем были протоптаны кабаньи тропы, чернела изрытая кабанами земля. Поле в сумерках казалось сизым, голубым, и над ним висел туман. Посреди поля стояла вышка, построенная из жердей. К ней, раздвигая метелки овса, направился Лемехов, сбивая сочные брызги. По шаткой лестнице забрался на вышку. Постелил на сырые доски коврик. Выставил карабин, разглядывая сквозь инфракрасный прицел опушку, увеличенные, струящиеся в водянистом свете кусты, древесные стволы, ели, усыпанные у вершин шишками. Представлял, как в зеленом свете прицела возникнет медведь, поднимая заостренную морду, ловя летящий над полем ветерок.

Сердце сильно забилось, и он двигал перекрестье прицела вдоль опушки, ожидая выход зверя. Но опушка была пустынной, мир сквозь прицел казался зеленоватым аквариумом, в котором, чуть размытые, струились гривы овса.

Он успокоился. Устроился удобнее. Приготовился ждать. Смахнул с приклада прилипший березовый листок. Опустил карабин, положив ствол на деревянную поперечину. И вдруг ощутил внезапное счастье, восхитительное одиночество. Освобождение от мучительных переживаний, неразрешимых забот. Из этих переживаний состояла его жизнь, складывался он сам, его мысли, которые вторгались в непокорный, враждебный, ускользающий от понимания мир. Теперь этот мир состоял из голубых овсов, пахнущего лесами ветра, легкой пелены тумана, которой кто-то тихо накрыл край поля. И это одиночество обращало его душу к вечереющему небу, откуда смотрело на него безымянное око.

Неподалеку, за полем, кричали журавли. Начинал курлыкать один, ему вторил другой, множились стенающие вопли, и сонмище тревожных криков сливалось в булькающую, звенящую и рыдающую музыку. От нее сладко захватывало дух. Лемехов подумал, что журавлиная станица встала на вечернюю птичью молитву, и этот стенающий вопль слышит притаившийся в чаще медведь.

Стемнело. Лес стоял неразличимой островерхой стеной. Овсяное поле стало бурым, с млечной полоской тумана.

Он услышал бурлящий звук крыльев, который сильным хлопком оборвался недалеко от вышки. Навел на звук прицел. В студенистом зеленом круге возникла тетерка, ее маленькая изящная голова, тонкая шея и круглое туловище с прижатыми крыльями. Она поворачивала голову в разные стороны, как женщина перед зеркалом. А потом принялась клевать овес, долбя метелки крепким клювом. Встрепенулась и улетела с замирающим булькающим звуком.

Лемехов ждал, когда сгустится ночь и в этой холодной гуще, пропитанной душистой сыростью, пряными травами, горькой корой, возникнет медведь. Так же как и Лемехов, он ждет, когда погаснет на западе последняя голубая полоска.

Лемехов извлек из кармана тепловизор, подарок офицера спецназа. Повел по полю. В окуляре была однородная серость, в которой вспыхивали розовые частицы. Горячая жизнь птицы или лесного животного не нарушала холодное однообразие поля, не отражалась в окуляре розовым нежным пятном.

И вдруг это розовое свечение возникло. Два розовых силуэта появились на буром фоне. Плыли, не касаясь земли, нежно-розовые, окруженные алой кромкой. Лосиха и лосенок пересекали поле, и казалось, они парят в невесомости, как два небесных светила. Лемехов с блаженным умилением следил, как посланцы неба пересекают поле. Забыл, что рядом лежит стальной карабин, заряженный смертоносными пулями, и он явился сюда, чтобы убить. Он был свидетелем чуда, и кто-то незримый, повелевающий лесом, полем и небом, удостоил его чуда, наградил волшебным зрелищем.

Розовые лоси плавно переплывали поле, оставляя гаснущий след. Исчезли, породив в душе Лемехова нежность и обожание.

Он вдруг подумал, что лоси предвосхищали появление медведя. Медведь послал их впереди себя, и теперь, с минуты на минуту, появится сам.

Лемехов схватил карабин. Он испытывал острое нетерпение, страстное ожидание, готовность выстрелить. Зрачок сквозь прицел скользил по опушке. В канале ствола лежала пуля. Приклад плотно упирался в плечо. Палец касался спускового крючка, лаская гладкую сталь. Он сдерживал дыхание, успокаивал сердце. Зрачок сочетался с пулей. Мускул руки сочетался с холодной сталью. Он был уверен в точности выстрела и ждал, когда из темного леса на водянисто-зеленое поле выйдет громадный зверь. Чутко поведет головой, запоздало обнаружит опасность, повернет к лесу. Но в него уже вопьется огненный выстрел, пуля пробуравит могучие кости, рассечет сердечную мышцу.

Лемехов вел прицелом, просматривая опушку. Но медведя не было. Зрачок уставал, палец нервно касался крючка. Плечо затекало.

Он стал упрашивать зверя выйти из леса, выманивал его, умолял. «Выйди, ну, что тебе стоит. На одну минутку, на секундочку. Овес вкусный, сладкий, для тебя угощение. Ну, выйди, умоляю тебя!»

Эта детская наивная молитва сменилась другой, обращенной не к медведю, а к тому безмолвному властелину окрестных чащоб и полей, который выслал к нему лосей, а теперь, вняв его молитве, вышлет медведя. «Умоляю, ты властелин, ты всемогущий. Твои лоси. Твоя тетерка. Твой красноголовик, который выглядывал из зеленого мха, когда я шел по дороге. Пришли мне медведя!»

Эта языческая молитва, обращенная к лесному духу, не помогла. И он стал молиться Господу, совершив крестное знамение. «Я грешник, Господи, виноват перед Тобой, прости меня. Я каюсь, искуплю грехи. Но пошли мне медведя, покажи, что Ты любишь меня, слышишь меня. Пошли медведя, Господи!»

Эта молитвенная страсть, жаркое упование жгли сердце, захватывали в раскаленную сердцевину все бытие, ради которого он жил и дышал.

И вдруг опалила мысль, которая пряталась во всех его молитвах. Если он убьет медведя, то станет президентом России. Медведь, как в сказке, таил в себе его будущее, его судьбу, его главное предназначение. Оно исполнится, если пуля пробьет медвежье сердце. Или предначертанье не сбудется, если медведь не придет.

Эта мысль страшно взволновала его, а потом опустошила и отлетела. Оставила по себе горькое недоумение. Лемехов сник, отвел зрачок от прицела, снял палец с крючка. Отложил карабин.

Он испытывал разочарование. Он молил Бога об утолении своей охотничьей страсти, своей искусительной потаенной мечты, которую внушил ему странный колдун с васильковыми глазами. Бог не внял его молитве. Он был неугоден Богу, был им отвергнут.

Он лежал на коврике в холодной ночи, и ветер летел над вышкой, посыпая его мелким дождем. Его мысли бежали и рассыпались, не связанные между собой.

Мимо проплыл борт лодки, черный как вар, с белым росчерком мела. Возникло женское, розовое тело, одетое блеском воды. Его возлюбленная стояла под душем в перламутровой ван-

ной, вода омывала ее грудь, бежала по животу, и он касался губами ее колен. Мозаичная икона «Державная» брызнула бриллиантовыми лучами, и возникло болезненное, раздраженное лицо президента, его презрительно сжатые губы, когда он смотрел на картину придворного живописца.

Все это кружилось, сталкивалось, рождало тревожное недоумение.

Он повел тепловизором по ночному небу, направляя прибор в мутную пустоту. Перевел его на лесную опушку, где кромка леса едва отличалась от поля, усеянного красными точками. Скользнул по овсам и увидел медведя.

Медведь был красным пятном, пульсирующим, как огромное сердце. Пятно, яркое внутри, бледнело по краям, растворяясь в серой мгле, где вспыхивали красноватые точки. Словно сердце разбрызгивало капельки крови.

Лемехов боялся шевельнуться, моргнуть, чтобы дрожание век не передалось сквозь окуляры прибора и не спугнуло медведя. Лемехов умолял медведя, чтобы тот не исчез. Отложил тепловизор. Подтянул карабин. Подкладывая ладонь под цевье, упирая в плечо приклад, прижался глазом к трубке прицела. Зеленоватое пространство заструилось в прицеле, и в перекрестье возник медведь. Бурое тулово, заостренная голова, шевелящиеся лапы. Медведь сидел, загребая лапами метелки овса, совал их в пасть, жевал, крутил головой. Подпрыгивал на ягодицах, перемещаясь вперед, захватывая лапами новую охапку стеблей, заглатывал сладкое лакомство.

Лемехов моментальным усилием воли остановил неровное дыхание, успокоил сердцебиение, слил воедино упругую мышцу плеча, хрусталик глаза, чуткий палец, лежащий на спуске. Навел перекрестье туда, где, невидимое, билось медвежье сердце. Нажал на спуск.

Тугая отдача, грохот. Успел увидеть в прицел, как дернулся, отшатнулся медведь. Знал, что пуля его настигла. Отложил карабин и в тепловизор оглядывал поле, ожидая увидеть алое пятно зверя. Медведя не было. Кругом была серая мгла, непроглядная муть.

Он жарко дышал, сердце колотилось. Он не мог промахнуться. Раненый зверь мчался сейчас сквозь лес, гонимый страшной болью, разбрызгивая кровь из раны. Или, мертвый, с пробитым сердцем, пробежав до опушки, рухнул дрожащей горой.

Лемехов не понимал, что он должен делать. Оставаться на вышке до рассвета, дожидаясь егеря Макарыча с собаками и по следу, по окровавленным травам, догнать медведя. Добить его, лежащего, угрюмо глядящего на поднятые стволы. Или же, не дожидаясь рассвета, освещая путь фонарем, найти у опушки раненого зверя и, не давая ему опомниться, застрелить подранка.

В нем боролись благоразумие и страсть. Здравая осмотрительность, свойственная его рассудительной натуре, позволявшая избегать гибельных решений. И жаркое нетерпение, которое внезапно охватывало его и побуждало действовать вслепую, уповая на удачу, на счастливую звезду. И неизменно приводило к успеху.

Он свернул коврик и укрепил за спиной ремешком. Придерживая заряженный карабин, спустился с вышки. Зажег фонарь и стал пробираться через овсы, светя ярким млечным пятном. Овсяные метелки полегли от дождя, на сапоги летели блестящие брызги.

Лемехов увидел затоптанный овес, вырванные с корнем стебли. Здесь медведь лакомился, загребая лапами метелки, чавкал, сосал, подпрыгивал на ягодицах. Здесь в него попала пуля, толкнула навзничь, обратила в бегство. Лемехов светил фонарем, стараясь обнаружить кровь. Влажно переливались стебли, хрустально вспыхивала вода.

Лемехов осторожно пошел к опушке, держа на весу карабин, готовый стрелять, если в свете фонаря вдруг возникнет косматая башка, белые клыки и красный язык. И все это ринется с ревом навстречу.

Опушка была в мелких кустах с желтыми листьями. Стояли невысокие елки, усыпанные каплями. В траве, в пятне фонаря, мелькнул цветок лесной гераньки. Пахло сырой землей, горечью увядающих трав, лесным туманом, в котором сладко истлевала листва. Крови не было.

Неужели он промахнулся? Спугнул зверя? И теперь тот укрылся в непролазной чаще. И весь огромный лес прячет его, стережет. Бьет по лицу Лемехова мокрой еловой веткой. Громоздит на пути коряги. Громко хрустит сучками, оповещает о его продвижении. И все обитатели леса – лоси, кабаны, тетерки и рябчики – проснулись и наблюдают за ним. Сообщают медведю о его приближении.

Он увидел на травяном листе черную кляксу. Она блестела, как деготь. Он тронул ее пальцем, палец поднес к фонарю, и палец был красным.

Лемехов ликовал. Зверь был подстрелен. Промчался, неся в себе пулю, брызнув густой, как варенье, кровью.

Кровь пятнала траву, темнела на листьях длинными брызгами. Брызги указывали направление звериного бега. Лемехов, чуткий, осторожный, пружиня стопами, шагал, предчувствуя близость зверя. Втягивал воздух, стараясь среди холодных лесных ароматов поймать терпкий горячий запах крови.

Внезапно фонарь стал меркнуть, почти погас, только малиновым завитком виднелась нить накаливания. Видно, сел аккумулятор. Лемехов подумал, что это лесные духи, охранявшие медведя, погасили фонарь.

Была тьма. Только в вершинах елок чуть синело ночное небо. Идти было невозможно. Стрелять, в случае появления раненого зверя, было невозможно. Нужно было поскорее возвращаться на овсяное поле, забраться на вышку и там, в безопасности, дожидаться рассвета.

Лемехов стоял, приподняв карабин, вслушиваясь в мрачную, опасную тишину леса. И вдруг почувствовал в этой тишине зияющую пустоту. Лес был пуст. Он обмелел, поредел, осел, словно из него вытек воздух, перестали пахнуть травы, хрустеть сучки, брызгать на лицо влага. Лес был мертв, из него изошел лесной дух. И Лемехов понял, что медведь убит. Пустота леса была пустотой дома, в котором лежал покойник. И эта тишина остановила Лемехова, опустошила. Вместо радости победителя и он испытал недоумение, печаль, ноющую тоску. Словно пуля его убила не медведя, а весь лес. Казалось, он слышит слабый свистящий звук, словно из его груди, сквозь прокол выходит воздух, в груди остается все меньше жизни. Он вот-вот упадет.

Он раскатал на земле коврик и лег, прижавшись головой к еловому корню. Уложил рядом ненужный карабин. Стал смотреть вверх, где едва синело небо.

Была тишина. Где-то неподалеку лежал медведь, и в его громадном, остывающем теле таилась убившая его пуля.

Лемехов лежал, вспоминая горячее алое пятно в тепловизоре, – излучение могучей жизни, которая теперь погасла. Почему-то вдруг вспомнил взлетающий истребитель, на испытаниях которого недавно присутствовал, и свой спор с министром обороны, касавшийся летных характеристик машины. Рассеянно подумал о своем заместителе Двулистикове, на лице которого постоянно держалось чуткое выражение преданности. Вспомнил свой загородный дом с зимним садом, в котором должен распуститься цветок Виктории Регии, белая, плавающая в воде звезда с золотой сердцевиной. Остро подумал об отце, пропавшем бесследно в Мозамбике, и о том, что где-то в африканской саванне среди трав есть место, на котором лежал отец, и в нем, как и в этом медведе, таилась убившая его пуля. Под закрытыми веками брызнули разноцветные бриллиантовые лучи «Державной Богоматери», которую он целовал, и он ощутил на губах чудное душистое прикосновение.

Лемехов спал, прижавшись к еловому корню в тишине застывшего леса.

Ему снился сон. Он мчится в автомобиле по весенней безлюдной Москве, с алыми тюльпанами и пышными фонтанами. Проносится под Триумфальной аркой с бронзовой квадригой.

Перелетает Москву-реку. Кремль, розовый, золотой. Мягкий шелест брусчатки. Василий Блаженный, как фантастический цветок. Автомобиль сквозь Спасские ворота въезжает в Кремль и останавливается у дворца с янтарными стенами. Строй гвардейцев в старомодных киверах. Гарцуют кавалергарды на белых лошадях. Он взбегает по дворцовой лестнице, легкий, счастливый, исполненный торжества, словно его несет ликующий вихрь. Красная дорожка в Георгиевском зале с золотыми именами гвардейских полков и экипажей. Ему аплодируют. Кругом мелькают знакомые лица министров, депутатов, сановников. Лицо президента Лабазова, больное, несчастное, провожает его укоризненным взглядом. Он пробегает сквозь толпу, едва касаясь паркета, в Андреевском зале, среди обожающих взглядов, военных мундиров, клобуков и белых бород. На изящном постаменте с золочеными цветками и листьями лежит тяжеловесная, в кожаном переплете книга – Конституция, на которую из высокого окна падает аметистовый луч. И в нем торжество, вдохновение, чувство божественного величия, от которого сердце счастливо замирает. Он протягивает руку к священной книге, вносит ладонь в аметистовый луч, готовый прикоснуться к тисненой коже. И посыпается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.